

РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДУШИ

Маруся Светлова

КАК НАЙТИ СВОЕГО МУЖЧИНУ

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ

Рассказы для души

Маруся Светлова

Как найти своего мужчину

«Маруся Светлова»

2018

Светлова М. Л.

Как найти своего мужчину / М. Л. Светлова — «Маруся Светлова», 2018 — (Рассказы для души)

ISBN 978-5-904777-13-5

Книга о любви. О желании любить. О поиске своей любви. О поиске своего мужчины. Об ошибках и сложностях на пути к своей мечте. О разочаровании и свершении. О жизненных уроках, которые проходит женщина в поиске своего счастья. Психологический женский роман – так можно назвать жанр этой книги. Чувства, мысли, переживания героини, ее разочарования и надежды близки и понятны каждой женщине. Уроки, которые проходит героиня, ее понимание и осознание себя, закономерностей жизни – помогут читателю в осознании себя и своей жизни. Это книга для женщин – о женщинах, их стремлении любить и быть любимыми. Эта книга для мужчин, желающих понять женщин.

ISBN 978-5-904777-13-5

© Светлова М. Л., 2018
© Маруся Светлова, 2018

Маруся Светлова

Как найти своего мужчину

Она смотрела на подруг, и в очередной раз, в немыслимо который раз думала:

– Ну почему, почему я не могу жить так, как живут другие? Почему не могу быть как все и жить как все?..

Она не ждала от себя ответа. Ответ она знала.

– Не могу и всё.

Ответ этот ничего не объяснял, просто констатировал факт. Не может она жить так, как живет Лариса. Как Люся, вечно воюющая со своим мужем, тоже не может жить. Не может она жить так, как живет Маша.

Еще в ту пору, когда Машу познакомили с ее будущим мужем, она, Настя, знала – никогда она не сможет так, как Маша, – взять и сойтись с человеком, которого не любит. Каким бы хорошим он ни был.

А Маша смогла. Было что-то такое жертвенное и принимающее в ее характере, что просто сошлась она с хорошим человеком и стала вить гнездо. И была она по-хорошему терпимой и уважительной. И все у них как-то ладилось, хоть никаких горячих чувств там как не было, так и не появилось.

И когда подруги расспрашивали, как она так ладит с человеком, которого не любит, Маша говорила просто:

– Доброе слово и кошке приятно...

И расшифровывала для них, непонятливых:

– Надо просто внимательной быть, и всё. Он приходит с работы, я его про работу расспрошу, послушаю. Я к нему уважение проявлю, он ко мне уважение проявит. О моих делах спросит. Полку прикрутит. Мяса на мясорубке навертит. Я его похвалю, ему приятно. И мне хорошо. Так и живем...

Наверное, про таких, как Маша, и было написано в сказках: «И стали они жить-поживать и добра наживать», – подумала Настя.

Она посмотрела на Машу, что-то деловито переставляющую на новогоднем столе. Кажется, Маша просто не может пройти мимо, ничего не поправив, не улучшив. Лариска иногда беззлобно, не желая обидеть, называла Машу «клушей», или «наседкой».

Маша точно была наседкой. Она постоянно была в каких-то хлопотах – что-то мыла, стирала, гладила, она оглаживала всё вокруг себя. Несмотря на загруженность на работе, она была по-настоящему домашней хозяйкой, вечно занималась какими-то домашними делами, что-то консервировала, пекла, готовила, и Лариска, свободолюбивая и независимая, в своей феминистической гордости, что она – современная женщина, частенько говорила, когда пробовала Машины наливки или варенье:

– Нет, это же надо, как человек сам себя поработает!

И добавляла:

– Свободу Марии Соколовой!

Потом сама себе улыбалась и говорила:

– Да на фиг ж ей свобода?! Ее же, кроме нее самой, никто не принуждает так корячиться на ниве домашнего хозяйства...

На самом деле Настя всегда думала, что Лариска просто завидует Маше. Завидует по-хорошему. Завидует Машиной «правильности», потому что Машка действительно была правильной женщиной. Наверное, о таких женщинах написано в Библии. Кротких, терпимых, стоящих *за* мужчиной. Маша всегда была *за* мужем, и это было уже привычно для подруг, хотя в

пору их молодости Лариска частенько возмущалась и пыталась наставить Машу на путь истинный:

– Господи! Нашла перед кем унижаться! Ни кожи ни рожи! Ни денег, ни положения, а ты перед ним пресмыкаешься... Мужик тобой пользуется откровенно – а ты с ним сюсюкаешь: «Коленька, тебе котлетку или борщик разогреть...». Сам пусть разогревает! Тоже мне, принц!..

Лариска горячилась и возмущалась, потому, наверное, что уже тогда завидовала этой Машинной терпимости и гибкости, которой у нее сроду не было. Поэтому не было у нее и таких отношений, как у Маши сейчас. Стабильных, прочных. Семейных.

Лариса всегда горела. Бурлила. Фыркала. Отбрасывала. И ждала нового бурления. И объекты ее «бурлений» были или волоокие красавцы, или приземистые, крепкие, денежные мужики, как сейчас.

– Мы задешево не продаемся! – провозглашала Лариска, говоря это «мы», как бы оправдывая саму себя, что не одна она, мол, выискивает что получше и подороже. Тоже, мол, цену себе знаем...

Настя не могла ни так, ни по-другому. Ни по-Машиному она жить не могла, ни по-Ларисину. Хоть иногда сама на себя злилась, что не может жить так, как живут подруги. Что все еще остается в своих мечтах, в своих ожиданиях. И часто, думая обо всем этом, удивлялась Настя – такие разные они все, а остаются все эти годы подругами...

– О чем задумалась, подруга, – прервала Настины размышления Лариса. – Чего загрустила?

– Ни о чем я не загрустила, – ответила Настя, и продолжила свои мысли вслух: – Я вот думаю, как мы, такие разные женщины, столько лет можем дружить? И никак не разбежимся...

И, заметив непонимающий, рассеянный взгляд Машки, которая что-то продумывала, глядя на стол, пояснила:

– Пока мы на филфаке учились, пока молодыми были, все было понятно – зачем мы друг другу. Нужно было у кого-то лекции списывать или кому-то свои душевные терзания пересказывать. Потом все разошлись по жизни, по семьям, по разным работам. Все мы разные, у каждой – своя жизнь, а мы – все равно вместе...

– А, неважно все это – разошлись мы по жизни, не разошлись, главное в нас осталось – были мы бабами и остались бабами, – сказала Лариска с видом специалиста, сказала авторитетно и как-то обреченно.

– Ну, прям уж и бабами, – улыбнулась Настя, – может, все-таки женщинами мы остались?

Лариска махнула рукой в ответ на Настино возражение, мол, не все равно, – что бабы, что женщины – один черт.

А Настя не унималась:

– Да, точно, мы все остались женщинами... Но – мы такие разные женщины... Машка у нас такая правильная, такая домовитая. Такая принимающая, мудрая. Люська – типичная женщина-жертва, которая с мужиком мучается, там ни принятия, ни мудрости и в помине нет. Ты, Лариска, – просто феминистка, ты такая свободолюбивая, такая современная, ты у нас прям бой-баба! А я – я даже сама не знаю, какая я, – и что нас только объединяет?..

– Ничего удивительного нет! – уверенно заявила Лариса. – Ты и есть наше цементирующее звено!

И, увидев непонимающий Настин взгляд, пояснила:

– Машка у нас на одном конце оси. Традиционная женщина-мать-сестра-хозяйка. Я – на другом конце оси: современная, свободная, независимая. Люська – та мотается постоянно: от страсти к ненависти, от «куси-пуси», до «пошел вон, зараза!». А ты – посередине. Незыблемо стоишь на своих идеалах. Идеалистка наша, – сказала она, и было непонятно – осуждение или ирония в ее словах, или любовь, смешанная с уважением.

«Идеалистка»! Сколько раз Настя сама себя так называла. И ругала за свой идеализм. И решала раз и навсегда распрощаться со своими мечтами. Но, как говорила Лариска, против себя не попрешь! И она опять приходила к тому, от чего уходила. К своей мечте о любви – взаимной и глубокой. О своем мужчине.

– У нас четверых, Настька, абсолютное единство и гармония, – продолжала Лариса. – Мы как единое целое, как времена года, которые все вместе и создают один полноценный год. Во, сказанула! – произнесла она, как будто бы только сейчас и поняла, что на самом деле сказала. – А знаешь, Насть, ведь точно – мы как времена года, как специально подобрались. Люська у нас – лето. Там вечно жарко, все цветет, все бурлит. Машка – осень: «Отцвели уж давно...».

Лариска вдруг прервала свою песню и быстро вскинула взгляд на Машу – не слышала ли она, но Маша уже вышла на кухню – не до разговоров ей было. Лариса посмотрела на Настю, и взгляд у нее был немного виноватый, вот, блин, сказала – не подумала, но все тем же бодрым голосом она продолжила:

– Я – зима, холодная, строгая, всем стоять – бояться... А ты у нас – настоящая весна, вся в ожидании, вся готовая расцвести: «И вечная весна...», – уже не боясь своего голоса, не боясь, что ее услышит Маша, пропела Лариса, и, довольная собой, закончила:

– Нет, ну это же надо, как все красиво свела в одно целое, и главное – не придерешься. Я просто – философ!

Маша вошла с новым, каким-то замысловатым блюдом, пристроила его на краю стола, и вновь, озадаченная, погруженная в хозяйские хлопоты, ушла на кухню.

И Лариса с Настей почему-то одновременно посмотрели ей вслед, потом – друг на друга.

– Знаешь, Насть, я только сейчас поняла – как это про Машку. Она у нас действительно – осень. «Осенний поцелуй после жаркого лета...»

Она пропела начало этой фразы и остановилась, как-то погрузнев. Настя тоже с какой-то грустью посмотрела на Ларису, и та, как-то мягко, не по-Ларискиному усмехнулась, и сказала:

– Это надо же, какое жаркое лето было у нее тогда. Сколько страсти было, сколько слез она выплакала – даже не подумаешь сейчас, что это была Машка. Как она паразита этого любила...

Лариска умолкла, как будто погрузилась куда-то в свою грусть, и потом вскинула голову и сказала Насте каким-то горячим шепотом:

– А помнишь, как она примчалась ночью, когда ты у меня была в гостях, и какое у нее лицо было, когда она говорила о нем...

Настя не ответила. Не ответила именно потому, что очень хорошо помнила и ту ночь, когда Машка прибежала к ним, испугав их ночным звонком, который так пронзительно и яростно звенел, пока они не открыли дверь, и какой она была – сама не своя, и лицо – бледное и какое-то потемневшее одновременно, как будто она постарела в одну секунду и устала, смертельно устала от жизни. И она тогда сказала именно эти слова:

– Все, не могу. Устала. И не хочу...

И это ее «не хочу» звучало так непривычно, потому что они с подругами столько раз говорили ей: «Да брось ты его! Да уйди ты от него! Да не нужен он тебе. Да не любит он тебя!» – и всегда слышали одно – как заведенное: «Я хочу с ним быть. Хочу. Я хочу...».

Той ночью, когда она, в пальто, надетом прямо на легкий халатик, вся с этим незнакомым уставшим лицом, стояла в прихожей Ларискиной квартиры, – они не сразу догадались ввести ее в комнату, так несколько минут и стояли, смотрели на нее – какую-то новую и такую старую, уставшую и несчастную Машку. А потом – стали плакать все троем. И плакали они сначала сдерживаясь, жалея Машку, а потом, отпустили себя и заревели уже навзрыд, и непонятно уже было, о ком эти слезы – о Машке ли, уставшей от своей несчастной безответной любви, – или каждая плакала о себе, о своих несбывшихся надеждах, о своей несбывшейся любви, о всех

женщинах этого мира, которые так же как они были несчастливы просто потому, что их не полюбили так, как они мечтали...

Маша зашла в комнату, в руках ее были две салатницы, в которых что-то красивое и вкусное просто манило к себе.

– Машк, ну ты – мастерица, – сказала Настя, как бы стряхивая с себя то, давнее воспоминание и возвращаясь сюда, в сегодняшний день, к сегодняшней Машке и к себе самой. – И как ты только все успеваешь. Я бы одна – ни в жизнь столько бы ни приготовила.

– А мне – легко, – засмеялась Маша. – Я это дело очень люблю – всех кормить, мне бы – большую семью, чтобы семеро по лавкам сидело, а я всех кормила да холила. Да только не получилось у меня – семеро по лавкам...

Маша сказала это спокойно, но Настю кольнула эта фраза. Кольнула из-за того, что она только что вспомнила. Он него, от ее Сашеньки, Маша готова была рожать не только семь, все десять. Она за ним как собачка готова была бежать, она жизнь свою готова была отдать за него – только ничего этого не было ему нужно. Он себе спокойно жил со своей женой, иногда пользуясь Машкой как пансионатом или санаторием со всеми удобствами. А Машка – добрая, терпимая Машка – все понимала и все прощала, и была рада быть с ним и быть для него всем – только никем она не была ему нужна...

«И как она только Пашку умудрилась с ним завести», – зло подумала Настя о ее Сашеньке, и ныне здравствующем Александре Петровиче. Он, небось, если бы сразу узнал, что она беременна, – силой бы ее на аборт послал.

Настя остановилась, чувствуя, что сейчас опять заведется. Так бывало каждый раз, когда она вспоминала о Машкином прошлом, и, хоть и редко это бывало, все равно каждый раз приходила она в какое-то возмущение от того, как страдала Машка, и как он, этот сытый мужик, просто пользовался ею, ничего не давая взамен.

– Нет, ну сына все-таки он ей дал, – подумала она. И сама себе ответила: – Да не дал он, она сама взяла, – он сроду ей ничего не давал. Он мог только брать. И разрушать...

И она опять вспомнила Машкино лицо в ту ночь, и то – какая она была потом, первые месяцы, когда уже была одна, без него, и была она вся как умершая, почерневшая, и только жизнь в ней ее будущего сына и спасла ее тогда от чего-то страшного, чего боялись подруги.

Настя посмотрела на Машу, которая, стоя у стола, просто осматривала все его красивое наполнение, и лицо у нее было сейчас такое другое – довольное и спокойное, хорошее было у Машки лицо, и человек она была – хороший, пожалуй, самый лучший из всех ее подруг. И Настя подумала – ну вот и славно, что у нее все так. Что живет она с Петенькой, и Петенька ее уважает и ценит. И живут они спокойно, хватило Машке с лихвой той дикой страсти и несчастной любви. И Настя довольно вздохнула, хотя особой радости нет в Машкиной жизни, и Пашка, Машин сын, иногда бунтует и хамит Петру Андреевичу, как он официально, не впуская в свою жизнь, его называет. Но это лучше, чем было.

Хотя, кто знает, что лучше – опять подумала Настя. Тогда Машка – любила. Тогда Машка жила. А сейчас? Варенье варит. Готовит салаты и торты. Белье крахмалит. На работу исправно ходит. Тетради проверяет. И это – жизнь?..

– Так, девчонки, все на кухню, – скомандовала Машка, прервав какие-то нерадостные Настины мысли. – Нужно еще кучу всего нарезать. Там такой фронт работ – мне одной не справиться...

Фронт работ был действительно большой. Этому способствовала широкая натура Лариски. Всегда она на их сборища приносила кучу всякой вкуснятины, делала она это щедро, откупаясь таким образом от необходимости самой стоять у плиты и что-то готовить. Вся Лариска была в этом – она просто заходила в какой-нибудь хороший магазин и кидала в корзинку арти-

шоки и банку с икрой, какую-нибудь безумно дорогую ветчину, или экзотический рулет из нескольких сортов мяса.

Лариска была широкой натурой, широкой и какой-то необузданной.

Настя не раз думала, что просто не попала Лариска в руки к настоящему и сильному мужику, который бы ее приструнил, приструнил так, что она забыла бы обо всем своем феминизме, прямолинейности, бурности. И стала бы она – как Машка – нежная и мягкая. И начала бы готовить борщи и печь пирожки. И была бы счастлива тем простым женским счастьем, о котором и мечтает каждая женщина.

– Что-то Люська запаздывает, – сказала Лариса, и, встретившись глазами с Настей, они улыбнулись друг другу, понимая, о чем подумала каждая.

– Как бы они там не переругались за два часа до Нового года, – озвучила свои мысли Лариска, и сказала она это спокойно, не волнуясь на самом деле о том – переругаются они или нет. Потому что ругалась Люська с мужем постоянно, бурно, с каким-то итальянским темпераментом, и не раз Лариска подкалывала ее:

– Твоя мамаша, Люськ, тебя точно с каким-то итальянцем заделала, врет она, что дядя Вася – твой папа. Мать у тебя – само спокойствие, отец – сама сдержанность, тебя же вечно черти раздрают: столько криков, столько визгу, как будто кошку дерут. И, главное, – всегда на пустом месте. Только что у вас – «куси-пуси», и тут бах – скандал. И с такими криками, с такими воплями – ой, мама моя дорогая...

Лариска всегда, даже когда начинала говорить о Люське спокойно, приходила к тому, что слов ее не хватало, и заканчивала она свои монологи этим, уже привычным – ой, мама моя дорогая...

– А ты сама, почему сегодня одна? – задала Настя вопрос, который все как-то не успевала задать, окунаясь в свои мысли. – Я думала, ты сегодня познакомишь нас со своим новым бойфрендом...

– Нету бойфренда! – как-то заносчиво сказала Лариска, – кончился весь бойфренд. И конца не оставил!.. – Лариска захохотала над тем, что сказала, и Маша, которая зашла в кухню как раз в конце Ларискиной фразы, удивленно переспросила:

– И конца не оставил?..

Они расхохотались дружно, хотя ничего смешного не было ни в Машкином вопросе, ни уж, конечно, в том, что Ларискин бойфренд кончился.

И что-то нервное было в их смехе, и Настя, смеясь, подумала вдруг – смех сквозь слезы, потому что какая-то горечь была в этом смехе, и у каждой – своя.

– Отправила я своего бойфренда куда подальше и сказала, чтобы больше не возвращался, – отсмеявшись, сказала Лариска, сказала как-то озорно, весело, хотя, точно, ничего веселого в этом не было.

– Но вы ведь с ним совсем недавно познакомились, – сказала добрая Машка, – может, надо было подождать, попробовать...

– Ну, уж нет! Нечего там было пробовать! – сказала Лариска тоном, не терпящим возражений, и добавила вдруг мягко и как-то вкрадчиво. – Девочки, я же – как собака. Я же их нутром чую. Меня не проведешь. Если собаку кто-то хоть раз ударит или обидит – она больше этому человеку ни за что не поверит, потому что знает – на что он способен. Вот и я – как собака. Мне второго раза не надо. Если мужик в одном месте показывает себя как не мужик – он уже нормальным мужиком быть не может. А мне такого добра не надо. Пусть его молоденькие свистульки подбирают, которые еще не знают, что это такое, когда мужик об тебя ноги вытирает. А он начнет их вытирать. Мужики – они же тоже собаки: если ты дашь ему тебя за палец укусить, жди – он тебя всю искусает...

Лариска замолчала, деловито поправляя в плетеной корзинке нарезанный хлеб. И продолжила так же деловито и как-то сурово:

– А я себя кусать не даю. И этого кадра я быстро раскусила. Он, конечно, и видный мужик, и при деньгах, и положение у него нормальное, и в постели – ничего не могу сказать, неплохой мужик... Но женщину ценить он не может! Он не умеет ценить то, что у него в руках. А я – женщина редкая. Мной дорожить надо. А он привык сам брать, получать, привык к восхищению. Бабы его уже избаловали. Мне такое «добро» не надо...

Лариска закончила свою речь и вышла из кухни, гордо неся в руках тарелки с деликатесами, а Настя в очередной раз подумала:

– Ну почему, почему я не могу жить так, как живет Лариска, например. Лариска – не страдает, не переживает от одиночества. Лариска – сильная. И Лариска точно знает себе цену...

Она посмотрела на Машу и подумала опять о том, как странно, что они, такие разные, – вместе. Тихая и жертвенная Маша совсем не умела того, что умела Лариска – качать права, требовать к себе достойного отношения. Тогда, много лет назад, когда она с маленьким Пашкой на руках вышла замуж за Коленьку, заносчивого и, как оказалось потом, крепко пьющего мужика, она с лихвой вкусила и унижений, и одиночества. Потому что можно быть одинокой и будучи рядом с человеком, и одиночество это может быть еще страшнее, чем когда ты действительно одна... И Машка действительно была кроткой и принимающей, и как-то смиренно переносила все это, и все так же говорила:

– Коленька, тебе борщ или жаркое...

Настя на секунду представила – что было бы, если бы ее Коленька достался Лариске? С какой скоростью отправила бы она этого «бойфренда» от себя подальше? Да Лариска даже пачкаться бы не стала об такого мужика! И возмущалась она тогда Машкой, и ругала ее, но Машка все терпела. Хотя – ее терпению тоже пришел конец. И как хорошо, что у нее сейчас Петенька, – опять подумала Настя, и улыбнулась: все-то они у Машки – Сашеньки, Коленьки, Петеньки...

– На то она и Машка, – светло подумала Настя о подруге. – Хорошая она, хоть и несчастливая... А кто из них счастливая? – подумала она. Люська, что ли, которая вечно скандалит? Или Лариска, которая все ищет своего ценителя? Или она – Настя, которая так ждет, так хочет найти своего мужчину, – только никак он не находится...

Звонок в дверь не просто звенел – гремел изо всех сил, и они все – и Настя, и Лариска, и Маша, – не сговариваясь, сказали:

– Люська пришла!

Кто еще мог так бурно давать о себе знать?

Люська влетела в комнату, пахнувшая морозом и грозой. Так показалось Насте сразу, хотя какие грозы под Новый год? Но Люська сама была и грозой и молнией одновременно.

– Нет, вы только подумайте, я с этим козлом столько лет промучилась, и я должна себе нервы трепать еще в новогоднюю ночь! – гневно прокричала она, ни к кому не обращаясь, и Петенька, полноватый лысеющий мужчина, сунувшийся было в комнату посмотреть, кто пришел, тут же ретировался, скрылся в комнате, прекрасно зная, какими грозowymi раскатами может рассыпаться Люська, когда не в духе. Попасть в эту минуту может любому мужчине, только за то, что он мужчина.

Подруги же только усмехнулись на эту грозную Люськину тираду. Всё это они уже слышали не раз. И не раз норовистая Лариска говорила:

– Брось ты его! Сколько вы можете ругаться!

А иногда она просто предрекала:

– Вы когда-нибудь друг друга прирежете!

– Друг друга мы прирезать не можем, – заносчиво отвечала Люська. – Я его сама первая прирежу...

– Ну и дура! – равнодушно отмахивалась Лариса, не желая выслушивать то, что было уже сто раз выслушано и чему она уже давно поставила свой диагноз – живет с мужиком, с которым жить невозможно, а выгнать жалко. Вот ведь точно говорят – без милого сохну, с милым сдохну...

Люська чего-то гневно рассказывала, не скупясь в выражениях, красочных эпитетах, но Насте не хотелось ее слушать. Все это она действительно слышала не один раз, похоже это было на знакомый длинный сериал, с очередной серией. И было понято, чем кончится эта серия, что будет в следующей. Все равно герои помиряются, и страсть вспыхнет с новой силой, но ненадолго. До очередной мелкой ссоры, из которой разовьется не менее страстный скандал...

Настя улыбнулась, подумав, точно у них двоих итальянская кровь. Вернее даже, мексиканская...

Настя вышла из кухни, прошла в комнату, в которой все уже было готово к встрече Нового года. Сама комната была нарядно-торжественной, как и подобает событию. Елка, мерцающая огоньками, была великолепной – красивой нарядной елкой, какой и должна быть новогодняя елка. Стол был полон изысков.

– Молодец все-таки Маша, действительно, вот уж хозяйка так хозяйка, – подумала Настя. – Не придерешься, все сделано по первому разряду...

Подруги в комнате чему-то громко рассмеялись, но Настя не захотела пойти к ним, узнать, отчего они так веселятся.

Хотелось ей почему-то побыть одной. Хотелось несколько минут тишины, как будто что-то понять ей надо было или о чем-то подумать.

Потому что всегда в такие минуты перед Новым годом приходило к ней это состояние – какого-то внутреннего волнения, ощущение какой-то важности момента: еще немного – и один год закончится, другой – начнется. И – какой будет этот новый год ее жизни...

Настя подошла к окну, за которым было темно, только свет фар проезжающих машин мелькал внизу, да огоньки окон светились вдалеке – жила Маша в новостройке почти на окраине города.

Насте захотелось почему-то, как в детстве, прижаться лицом к окну, чтобы виднее было – что там на улице. И она, отодвинув красивые шторы (точно – сшиты Машиными руками! – подумала она), прижалась лбом к стеклу, загораживая ладошками лицо от света в комнате, – так она делала в детстве, и мама ей говорила:

– Не застудись, голову охладишь...

И Полина Сергеевна говорила как всегда мягко:

– Настена, голову беречь надо, она у тебя одна...

На улице шел снег. Падал он красивыми густыми хлопьями, искрился в свете фонаря, стоящего напротив подъезда. Что-то такое красиво-сказочное было в этом падающем снеге, что-то такое знакомое из ее детства, что Настя улыбнулась. Хорошо ей было сейчас. Хорошо на душе. Вот бы и год таким хорошим был, – подумала она как-то по-детски. И увидела елку.

На площадке перед домом стояла елка, немного косо воткнутая в снег. Наверное, в какой-то семье купили две елки сразу, вот и пожертвовали одну во двор. Елка стояла какая-то сиротливая и неубранная, и Насте стало ее жаль.

– Какая-то неправильная елка, – подумала она. – Новогодняя – и без убранства. Стоит себе одинокая, никому не нужная. А елка должна кого-то радовать...

И невольно подумала Настя – я сама как эта елка. Одинокая и неубранная. Никто меня к себе не забрал. Никого я не радую. И сама себя не радую...

Настя отошла от окна, подошла к наряженной елке, стоящей в углу комнаты, и стала рассматривать ее – где можно снять игрушки без особого урона для елки.

– Маш, а у тебя каких-нибудь елочных игрушек не осталось? – спросила она у Маши, входящей в комнату.

– Игрушек? – не сразу поняла вопрос Маша, – зачем тебе еще игрушки?

– Надо! – уверенно и убедительно сказала Настя. – Очень надо. Для доброго дела надо.

– Ну, раз для доброго... – протянула Маша, и своим певучим голосом прокричала куда-то на кухню:

– Петенька, достань, пожалуйста, Насте коробку с антресолей. Такая зеленая коробка, в которой игрушки лежали...

...Снег скрипел под ногами, когда Настя шла по утопанной дорожке к площадке, на которой стояла елка. И это опять напомнило ей детство – как любила она ходить по такому вот скрипящему снегу...

И когда пошла она к елке, проваливаясь почти по колено в снег, и он попал, набился за голенища ее сапожек – опять вспомнилось ей это детское ощущение: колючего, царапающего холода.

Настя поправила елку, выровняла ее, углубив в снег, чтобы прочно стояла, и начала ее украшать.

Она украшала елку, надевая на нее игрушки – скромные, старенькие, которые Маша не надела на свою красавицу-елку. Но это было неважно, что они были скромными, что гирлянда была простенькой, самодельной, наверное, ее когда-то Маша делала с маленьким Пашкой. Главное, что елка с этими незамысловатыми игрушками становилась настоящей новогодней елкой.

Настя украшала елку, стараясь расположить немногочисленные игрушки наиболее красиво, – и что-то волшебное-детское было в этом процессе. Так, наверное, с таким старанием, даже с каким-то внутренним восторгом, только дети украшают елку.

И было что-то мистическое в том, что она сейчас делала, так она вдруг почувствовала. Что-то ритуальное сейчас совершалось. Сейчас, когда под ее руками елка, которая так напомнила ей себя – своей одинокостью, неприбранностью, непристроенностью, – становилась красивой, нужной, – как будто бы и с ней, Настей, что-то происходило.

Как будто какое-то волшебство сейчас совершалось. И совершала его она сама – сотворяя преобразование. Делая из одинокой и «ненужной» Насти – другую Настю, какой она хотела быть.

И как-то поневоле, как в детстве, когда дети под елкой загадывают желание, зазвучали в ней мысли:

– Господи, ну пусть он появится...

– Господи, пусть он мне встретится...

– Господи, ну пусть он найдется, тоже ведь ходит где-то неприкаянный. Встречает Новый год без меня, для него предназначенной...

И ей так жалко его стало, что он сейчас где-то в эту минуту без нее, с чужими людьми...

И когда нарядила она елку, ставшую другой, настоящей новогодней елкой, показалось ей, что волшебство уже случилось. Что-то уже произошло. И какая-то детская радость стеснила грудь. И вспомнились ей слова детской песни: «И вот она нарядная на праздник к нам пришла, и много-много радости детишкам принесла...». И она подумала – она тоже принесет много радости ему, своему мужчине, встреча с которым ждет ее.

И мысль эта была такой хорошей, такой радостной, что ей даже, как в детстве, попрыгать захотелось, чтобы эту радость выпустить. Но она не запрыгала – неудобно это было делать на проваливающемся снегу. Она не запрыгала, а, как в детстве, расставив руки, упала всем телом назад, в снег. Упала – и так и осталась лежать, смотря в звездное небо.

Она лежала, раскинув руки крестом, и смотрела в небо, и мысли ее были какие-то тихие и странные. Она вспомнила почему-то бразильский сериал, который иногда смотрела, и скульптуру Христа на высокой горе, который стоит над городом, и руки у него вот так раскрыты, и

весь город у его подножья – под его защитой. Она не была в Бразилии, но много раз видела эту картинку.

Она лежала, раскинув руки крестом, и думала, что это очень правильно – жить в городе, под защитой Христа, и ей захотелось жить в Бразилии.

Она вспомнила, как, еще будучи студентками, они ездили с Лариской в ее родной город, и в городе этом на высоком холме стояла огромная скульптура женщины с мечом в руках. И так это было неправильно: женщина – и с мечом, и весь город лежал под этой воинствующей женщиной. И Настя снова подумала, что хотела бы жить в Бразилии, где над тобой раскинул руки добрый и любящий Христос.

И она опять подумала про свои раскинутые руки, и про то, что, говорят, из космоса все видно. Подумала – видно сейчас оттуда эту елку с мерцающими в темноте игрушками, и женщину, раскинувшую руки крестом, и вся она оттуда, свысока, похожа на крест, и, наверное, это красиво и как-то символично, потому что крест – символ веры.

И подумала она – можно попросить сейчас что-то и меня там услышат. И представилось ей, что Бог или какие-то Высшие Силы тоже видят ее сейчас с высоты и думают – вот лежит женщина и похожа она на крест и верит она во что-то и надо эту веру исполнить, чтобы она уже получила то, что хочет.

И Настя заволновалась, заволновалась опять как-то по-детски, как волновалась когда-то в детстве, когда ее спрашивали, что она хочет получить в подарок к Новому году. И она даже села, потому что – а если и вправду ее так слышат, – нужно же все правильно заказать! Нужно как-то правильно попросить.

И она опять начала говорить:

– Господи, пусть он уже появится... Пусть он, мой мужчина, мужчина моей мечты, встретится... Пусть появится в этом году. Чтобы следующий Новый год – я уже встретила с ним...

И она представила, как здорово это было бы, если бы он, ее мужчина, уже был с ней сейчас, встречал с ней Новый год. Можно было бы подойти и поцеловать его. Куда придется – чмокнуть в висок или в плечо – и идти дальше готовить что-то. И, проходя мимо него, мимо *него*, которого она так давно мечтала найти, – можно просто посмотреть ему в глаза, и он посмотрит тебе в глаза. Можно просто улыбнуться друг другу – какое это счастье...

И с этого мгновения была она уверена – все так и будет.

Все именно так и будет...

Иван пришел за пять минут до проводов старого года, и Люська, взбеленившаяся в одну секунду от его прихода, так же быстро и успокоилась. Видно, уже утихла в ней та буря, в которой она пришла, страсти утикли, и сама она уже в глубине души ждала его прихода.

Подруги переглянулись, улыбнулись друг другу, Настя тайком, исподтишка, погладила Ивана по спине, мол, держись, все будет хорошо, – и все сели за стол провожать старый год.

И пока пили они за старый год, закусывали Машкиными разносолами, все жило, все крутилось в Насте одной только ей известное:

– Следующий Новый год я буду отмечать уже с ним... Следующий Новый год – мы уже будем вместе...

И – хорошо ей было от этих мыслей. Как будто самое главное уже произошло – он уже даже нашелся, только еще не появился. И она уже знала, что он – обязательно появится. Обязательно. Осталось только подождать немного. Совсем немного...

Мужчины вышли покурить, Лариска с Машкой начали уговаривать Люську, чтобы она не ерепенилась и с Иваном помирилась, хотя та, как Насте показалось, давно уже все забыла, просто для него марку держала, мол, не нужен он мне, обойдусь без такого паразита.

Настя сидела за столом с подругами, только мыслями она была далеко. Все думала она о том, что скоро – все изменится. И может, это последний Новый год, который она с подружками

отмечает. Может, следующий Новый год захочется им вдвоем с ним встретить. Вдвоем, чтобы никто им не мешал...

И она опять подумала о скорой встрече, и о том, что странно это будет, необычно – Новый год вдвоем. Ведь много лет подряд она вместе с девчонками Новый год встречает. Она задумалась – сколько же лет они вот так, вместе, встречают Новый год? Началось это еще со студенческих времен, потом был перерыв – у каждой была какая-то своя личная жизнь, все они вышли замуж, даже свободолюбивая и независимая Лариска успела, пусть и недолго, побывать замужем. Потом жизнь как-то незаметно опять свела их вместе, и такие встречи Нового года стали уже привычными.

А до этого Настя всегда любила встречать Новый год дома. И пока мама была жива и Настя после своего неудачного брака вернулась домой – это был их семейный праздник. И встречали они его дома, и всегда Полину Сергеевну приглашали. И она приходила с Алешкой, пока он не вырос. Потом – одна. И было это тоже традицией, – встречать Новый год втроем.

Была Полина Сергеевна давней маминной подругой, с которой мама еще в молодости подружилась в типографии, когда пришла туда молоденькой девчонкой. Была она, как сама рассказывала, неумелой, наивной, робкой. А Полина – старше ее лет на восемь, уже имевшая разряд по брошюровке, и в жизни уже была самостоятельной. И приняла она Настину маму под свое крыло, помогала ей, учила, защищала. Так они и подружились. Потом квартиры в ведомственном доме получили на одном этаже и так всю жизнь по соседству и прожили. И всю жизнь дружили. И замуж в одно время вышли, даже родили с разницей в несколько месяцев, и долгие годы, шутя, называли Настю и Алешкой – женой и невестой. И, думалось Насте, наверное, они действительно хотели, чтобы подросли их дети – и поженились. Не раз мама Насте говорила:

– Хороший у тети Полины сын вырос – вот бы тебе такого парня...

И Полина Сергеевна не раз Алешке говорила:

– Чего ты там на стороне кого-то ищешь, когда вот, под боком, – какая девочка славная растет...

Но только Настя и Алешка были друг для друга просто Настей и Алешкой – друзьями детства, ходили они вместе со сверстниками в походы, участвовали вместе в каких-то детских шалостях. Да, если честно сказать, – не всегда эти шалости были детскими.

Алешка вообще рос боевым каким-то, задиристым, буйным. Вечно он куда-то вставал, что-то опасное затевал. Он и погиб-то спустя несколько лет после армии, потому что влез в какую-то драку, то ли кого разнимал, то ли защищал, потом уже поздно было разбираться. Просто шел со своей девушкой из кино поздно вечером – и влез опять туда, куда не надо было лезть.

И когда лежал он в гробу, взрослый какой-то, серьезный, – показался он Насте очень мужественным, что-то новое в его лице появилось. И впервые она увидела в нем мужчину. Не знакомого-презнакомого Алешку, друга детства, а мужчину, которого не видела в нем раньше. Но – поздно было уже кого-то в нем видеть.

И Полина Сергеевна, поседевшая и как-то постаревшая в несколько дней, – с тех пор уже всегда встречала с ними Новый год.

И даже когда умерла Настина мама, осталась для нее Полина Сергеевна не просто соседкой – близким человеком, о ком она заботилась и над кем взяла негласную опеку.

И всегда, каждый год – перед тем, как идти к Машке на их традиционную встречу Нового года, – заходила Настя к Полине Сергеевне, заходила на полчаса, чтобы вместе посидеть, выпить по глотку шампанского, сказать хорошие слова в пожелание друг другу.

И сегодня, перед тем, как идти сюда, Настя зашла к Полине Сергеевне. И ее встретил все тот же, годами устоявшийся порядок и чистота. И стол, как всегда, был накрыт на две персоны. И нехитрая эта закуска – салат «оливье», соленые огурчики, которые Полина Сергеевна сама

солила, недорогая колбаска, – как всегда, тронули Настю. Она всегда приходила не с пустыми руками – приносила в подарок что-то нужное, что Полина Сергеевна себе на свою пенсию купить не могла, и приносила что-нибудь вкусное – баночку икры, или кусочек семги, или буженинку, которую любила Полина Сергеевна. И уже много раз говорила Настя:

– Полина Сергеевна, вы не хлопчите, я сама все принесу, не утруждайтесь, не нужно, берегите себя...

Но та всегда с улыбкой отвечала:

– Какие хлопоты, Настенька? Чем мне целые дни заниматься – как не хлопотать?.. Отдыхать я на том свете буду...

И добавляла:

– Недолго уже осталось...

И Настю сердили эти разговоры. Потому что любила она ее, Полину Сергеевну. Была она для нее после мамы – единственным родным, близким человеком, как настоящая родная тетя. Но знала она – часто в последнее время у Полины Сергеевны сердце болело, как-то неровно биться оно стало... И уже несколько раз приезжала к ней «скорая». И врачи на Настины расспросы говорили буднично:

– Чего вы хотите – человеку семьдесят лет...

И звучало это «семьдесят лет» – как диагноз, против которого, как говорится, не попрешь. Но Настя надеялась – все будет хорошо, и долго еще Полина Сергеевна будет навещать к Насте вечерами, чтобы чашку чая выпить. И долго еще будет Настя слышать ее шаги за дверью – медленные, спокойные, когда будет звонить в ее дверь, и голос ее, мягкий, добрый, будет слышать:

– Иду... Иду... Сейчас открою, Настена...

Она часто называла ее так, как мама когда-то любила называть...

За воспоминаниями и мыслями незаметно пролетело время.

Мужчины вернулись. Все опять сели за стол. Утихомиренная Люська все же показательно недовольно дернула плечами, когда Иван ее обнял. Но руку его не сняла. И спустя минуту уже сама приникла к нему.

Бокалы наполнили шампанским. Все оживились в ожидании боя курантов. И, пока били куранты, опять успела Настя загадать – чтобы в этом году встреча их произошла. Чтобы он, ее мужчина, вошел в ее жизнь...

Новогодняя ночь закончилась. И подружки, привычно уже – всегда заканчивались этим их посиделки, – убрали со стола, мыли посуду, разговаривали о жизни, о своем, женском.

Настя, переполненная своими мыслями, сказала с каким-то ожиданием:

– Как здорово, что новый год начался. Здорово, что жизнь вообще на годы разбита. Один год кончается, другой начинается. А то тянулась бы просто жизнь, такая как есть, и тянулась. А так всегда есть надежда, что новый год будет другим. Что-то новое принесет...

– Ой, подруга, какая же ты у нас романтичная барышня, – рассмеялась Лариса. – Во всем ты видишь какие-то надежды, все каких-то перемен ждешь. Ну чего, скажи, нового может появиться в жизни Люськи, например? Дели ее жизнь на годы, не дели, все одно – будут они с Иваном друг друга терзать, скандалы устраивать, нервы друг другу мотать. И так – до скончания века...

– Просто они так любят, – сказала Настя, и на эти ее слова не только Лариса и Маша – сама Люся, о чьей любви говорила Настя, удивленно вскинула глаза.

– Любят? – насмешливо пропела Лариса, – что же это за любовь у них такая, когда они друг друга чуть не убивают?

– Ну, – улыбнулась Настя, – такая вот у них любовь... Любовь у них такая бурная, что ей нужно именно такое выражение. У них любовь – буря. Любовь – ураган. Но она – все равно любовь. И они только так ее могут выразить...

Иван, зашедший в эту минуту на кухню и услышавший окончание разговора, заинтересованно посмотрел на всех – о ком это они?

– Это Настя о нас говорит, – с усмешкой сказала Люся. – Любим мы, говорит, друг друга так бурно. Поэтому так чувства и выражаем...

Иван посмотрел на Настю – мол, Люська это всерьез говорит, или как всегда подначивает, подкалывает, и дело пахнет очередной ссорой на пустом месте.

– Да, я о вас говорю, – серьезно, без улыбки сказала Настя. – И почему это вы к моим словам с таким недоверием относитесь? Ведь вы действительно любите друг друга, все время говорите друг другу о своей любви.

– Они говорят... Да они только орут друг на друга. Они только и могут на мозги друг другу капать и кричать друг на друга, – возмущенно проговорила Лариска.

– Да неважно, что люди делают, – почти обиженно сказала Настя, – важно, что они чувствуют. Да, они все время в эмоциях, все время в каких-то страстях. Но все это – чувства. Сильные чувства. И с этим не поспорить.

– А может, это ненависть? – ехидно спросила Лариска. – Тоже чувство, сильное чувство, с этим тоже не поспоришь. И это ближе к тому, как они это чувство проявляют.

– Да нет, не ненависть это, а любовь, – упрямо, как ребенок, сказала Настя. – Когда люди ненавидят, их чувства холодные, мертвые, а у Люси и Ивана – жизнь, страсть.

– А чего же они орут-то постоянно? – не унималась Лариса. Казалось, ей вся эта тема была более интересна, чем Ивану и Люсе, которые просто слушали разговор, немного удивленные им.

– Да они так свои чувства выражают. Они просто по-другому это делать не могут. А чувства их захлестывают. Но когда Люся кричит Ивану – ненавижу – она его любит. И он – когда отталкивает ее своими словами – любит ее...

Настя остановилась, как бы подбирая слова, чтобы получше объяснить, и сказала, повернувшись к Ивану:

– Когда она кричит на тебя, Иван, она кричит тебе о своей любви... И когда ты кричишь на нее – ты кричишь о своей любви. Вы просто никак друг друга не услышите, но если бы вы услышали – вы услышали бы просто любовь. И вам уже не нужно было бы так кричать, чтобы быть услышанными...

Иван с Люсей посмотрели друг на друга, и что-то такое в глазах их промелькнуло, спокойное, глубокое и настоящее, что Лариса, непримиримая и холодная Лариса, заметив этот их взаимный взгляд – замолчала. Как будто взгляд этот остановил все ее аргументы. А может, и права Настя, все так и есть, как она говорит. Любят они – вот так вот любят. Как умеют. Как получается...

Иван с Люсей, притихшие какие-то, как будто слова Насти их примирили, объединили в одно целое, ушли.

Пашка, двадцатилетний сын Маши, столкнулся с ними в подъезде, когда они уходили. Зайдя домой, он с порога громко и удивленно спросил:

– А чего это тетя Люся с дядей Ваней такие странные от вас уходили?..

– Странные? – не поняла Маша. – Почему это они странные?

– Да пришибленные какие-то, – громогласно заявил Пашка и тем же голосом добавил: – Мать, я жрать хочу, сил никаких нет. Если не покормишь – умру с голоду...

– Господи, да ты же из гостей вернулся, – улыбнулась Маша, – от новогоднего стола. Тебя чего там – не кормили?

– Я был сыт другой пищей, – туманно заявил Пашка, роясь в холодильнике, заглядывая под крышки кастрюль, доставая тарелки с салатами и закусками. – Я был сыт, как говорится, любовью, – произнес он нарочито, как бы специально обращая внимание на свои слова.

– Пашка, да ты совсем взрослым стал, – удивленно сказала Настя. – Уже, как я понимаю, в девочку какую-то влюбился. Или полюбил, – добавила Настя.

– Стоп, стоп, стоп, – как-то недовольно сказал Пашка. – Не надо делать скоропалительных выводов и приписывать мне то, чего и в помине нет.

Он произнес это как-то гордо, даже высокомерно, мол, нечего меня в этом подозревать.

Настя замолчала, даже не зная, как реагировать на Пашкины слова, не понимая, чем она его так задела.

– Извини, – сказала она примирительно, – я же не думала тебя никак задеть, я просто обрадовалась, что ты вырос, что полюбил...

– Вот этого – не надо! – опять непримиримо сказал Пашка, уплетая при этом салат за обе щеки. – Не надо мне этих душеспитательных разговоров о любви. Не надо меня вовлекать в ваши иллюзии...

Настя окончательно растерялась. И замолчала, не зная, что сказать, не понимая Пашкиной категоричности. Но что-то ее саму задело в его ответе, и она уже тоже непримиримо, упрямо сказала:

– Я только порадовалась, что ты переживаешь это состояние, я порадовалась, что ты любишь...

– Любишь... – протянул Пашка как-то иронично и зло. – Это кто же вам сказал, что я люблю? Это вы из чего такой вывод сделали, из того, что я сыт любовью? Да, я сегодня был сыт любовью. Только – при чем здесь любовь?!

Настя окончательно растерялась. И сначала даже слов не нашла, чтобы ответить. Но опять что-то по-детски упрямое проснулось в ней, и она сказала:

– Я просто этого не понимаю – как можно быть сытым любовью – и не любить? Как вообще можно – не любя – быть сытым любовью?

– Ой, не морочьте мне голову своими романтическими бреднями и вашими старорежимными представлениями...

– Пашка! – резко прервала его Маша. – Ты говори, да не заговаривайся! Ты чего так распоясался!

Но Пашку уже было не остановить. Чувствовал он себя, наверное, сейчас очень уверенным в своей какой-то очень современной правоте, обладающим каким-то новым свежим знанием жизни, так что все другие знания казались ему наивными, смешными.

– Да прекратите вы, – сказал он почти гневно, – достали уже все своей любовью. Нет никакой такой любви, есть здоровое и честное влечение тел. И пока оно есть – есть и отношения, и чувства. Когда его нет – нет и никаких чувств, никакой любви. Здоровый секс – вот правда жизни! – сказал он патетически, и Маша только руками взмахнула, а Настя аж задохнулась от возмущения.

– Да как ты можешь говорить так! Да как же это – никакой любви! – горячо, тоже как-то гневно сказала она. – Да как же это тебе в голову пришло!

Лариса, молча слушавшая весь этот диалог, даже, судя по ее виду, получавшая удовольствие от Пашкиной позиции и горячности, после слов Насти встрепенулась и сказала беззлбно, но иронично:

– Идеалистка-то наша – как разгорячилась! Конечно, ее за живое задела – любовь тронули!.. Ты, Пашка, лучше замолчи, мал еще со старшими спорить, ты тетю Настю лучше не тронь, она за свою любовь – удавить может...

– Удавить – не могу, – ответила Настя все так же непримиримо и даже обиженно, – но постоять за нее могу. Как я могу молчать и слушать такие слова... Нет любви, нет любви...

Есть! Есть любовь! – сказала она горячо и добавила строго, как непреложную истину: – Любовь – есть!

– Да где она есть, любовь ваша! Где вы ее видели?! Одна видимость, вранье и притворство! Или одно обывательство – когда один к другому прибился и пользуются друг другом... – и он посмотрел на мать.

И Маша покраснела, просто вся залилась краской – так жестоко и сильно тронули ее слова сына.

И Настя вскипела и заговорила, уже не подбирая слов:

– Мал ты еще, чтобы говорить это и людей осуждать. Ничего ты пока в жизни не понимаешь, а в любви – тем более. Поэтому и говорить о ней не смей – не имеешь права! – сказала она горячо.

– Да все это выдумки людей вашего поколения, мы, молодые, вообще живем по другим законам!

– Слышь, ты, молодой, – не удержалась уже Лариса, – ты говори, да не заговаривайся! Что это за «ваше поколение»? Мы чего тут – древние старухи собрались?

– Ну, не древние, – сказал Пашка, – но и не молодые. Вы посмотрите, много вы ее, вашей любви несуществующей, у молодых видели?

– Видела! Я видела! – опять гневно сказала Настя. – Видела я любовь у молодых, я ее постоянно вижу, я, как ты помнишь, в институте работаю, вокруг меня одни молодые, я эту любовь постоянно вижу!

– Да не любовь это, – не унимался Пашка. – То, что вы за любовь принимаете, – просто здоровый и честный секс!

– Знаешь, Пашка, – как бы устав от разговора, сказала Настя, – я с тобой спорить не буду и доказывать тебе ничего не буду... Все равно – ничего ты не поймешь. Но я точно знаю, точно – любовь есть!

Настя замолчала, потом, оживившись, сказала с улыбкой:

– Знаешь, Паша, я такую любовь вижу... У меня на курсе, который я курирую, есть такая пара – мальчик и девочка, Сережа и Лена, которые друг друга любят. Они действительно друг друга любят – достаточно посмотреть, как они смотрят друг на друга...

Она опять замолчала, и лицо ее осветилось как-то, как будто даже воспоминание об этом их взгляде осветило ее.

– Вы знаете, – сказала Настя, обращаясь ко всем, – я, когда вижу их двоих, стоящих на перерыве у окна, или в столовой в очереди, или в коридоре, всегда поражаюсь этому свету, этой энергии, которая из них исходит. Они всегда – как одно целое, понимаете меня? Как будто соединенные чем-то – независимо от того, стоят ли они близко друг к другу, держатся ли за руки... Они – вместе... И взгляд их друг на друга – друг в друга... И что-то такое в этих взглядах – небесное, Божественное... Я не могу словами это объяснить... Но там, в них, любовь...

– Да какая любовь... – презрительно, опять как-то горделиво, как самый старший и знающий среди всех, сказал Пашка. – Ваш мальчик просто еще не трахнул вашу девочку. Вот и играют они – за ручки подержатся, в глазки посмотрят. А когда дойдет до дела – все изменится. Он свое получит, она, если не дура, тоже свое получит, или, если дура, начнет его доставать своим: «Почему ты мне не звонил... А когда мы увидимся...». И вся любовь кончится...

Настя молчала, только какие-то горячечные, красные пятна вспыхнули на ее щеках. А Пашка продолжал все так же уверенно, категорично:

– Секс – это честно. И это лучше всех ваших выдумок о любви. Секс – это независимость. Встретились, доставили друг другу удовольствие – и все, и никто никому ничего не должен. Понравилось, захотели еще – еще раз встретились. И никаких ваших: «А где ты был?.. А почему так поздно?.. А ты меня любишь?..». Любовь – это обуза! Это веревки и кандалы на

теле свободного человека!.. – Пашка произнес это уверенно и сильно, и был немного смешным в этой своей мальчишеской уверенности...

– Знаешь, Пашка, я тебя все же поколочу, – сказала Настя. Сказала уже спокойно, и почти весело. Как-то вдруг отпустила ее злость и желание «отстоять» любовь. Что тут отстаивать, от кого ее защищать – от мальчишки этого еще неопытного, от юношеского его максимализма?

– Не буду я тебя колотить, Пашка, – сказала Настя. – Но вот когда полюбишь, когда девушку свою встретишь, любовь свою найдешь, тогда и поговорим – есть она, нет ее...

Пашка не ответил, только на мать посмотрел, которая стояла у стены, и что-то в лице ее было трагичное, горестное, как будто получила она сейчас какое-то плохое известие.

– Мам, – сказал он тихо, – ты тут приберешь, или мне... Спасибо, было очень вкусно...

И, как будто сглаживая, пытаясь снять напряжение, которое было во всей ее фигуре, лице, сказал:

– Спасибо, мам, не дала умереть голодной смертью...

– Иди, – тихо сказала Маша, и, отойдя от стены, начала прибирать со стола, привычно ставя все на свои места, оглаживая скатерть, поправляя салфетку под вазой.

Пашка вышел. И на кухне воцарилась тишина. Всем было как-то неудобно, как будто с чем-то неприятным они столкнулись. А Насте и Ларисе было за Машку обидно: каково это – сына вырастить, чтобы он тебе потом вот так жестоко делал больно...

Маша, прибрав на столе, опять стала у стены. Стала, как стояла, пока Пашка вел свои речи, с тем же выражением лица – каким-то горестно-печальным.

– Господи – вот растут дети, – сказала Лариска бодро, как бы пытаясь снять это напряжение, царившее на кухне. – Помните, девчонки, когда он начал «р» говорить, и совал его во все слова, он меня стал называть не тетя Лалиса, а тетя Рариса. Ведь казалось – совсем недавно это все было, и тут, нате вам – целая речь в защиту свободной любви...

– Нет, он говорил не о свободной любви. Свободная любовь – она все равно – любовь. А у него – один секс, – сказала Настя грустно. – А в любовь он не верит, потому что он ее не видел...

Настя сказала это и осеклась, и на Машу испуганно посмотрела. А Маша так и стояла с застывшим каким-то лицом.

– Не расстраивайся, Машка, – нежно и мягко, непривычно для нее, сказала Лариса, обнимая Машу за плечи. А Настя подумала – будешь расстроенной, когда видишь, как твоя жизнь, в которой так мало любви, в твоём собственном ребенке отразилась. Такую кашу в его голове сотворила.

– Все станет на свои места, девочки, – авторитетно сказала Лариска. – И Пашка твой никуда не денется от этой самой любви. Попадет в нее, как кур в оцип. Это же болезнь – каждый ею должен переболеть. Придет и его пора – полюбит. А полюбит – все свои глупые рассуждения забудет, и сам будет спрашивать – а где ты была, а почему так поздно... Жизнь свое возьмет. На то она и жизнь...

Лариса замолчала, потом добавила иронично, даже с какой-то издевкой:

– Нет, ну это же надо – каждый должен через любовь пройти, чтобы потом понять: нет никакой любви. Все – проходящее. Была любовь – и нет любви...

Она погладила Машу по плечу, посмотрела на Настю и сказала опять как-то иронично, с улыбкой:

– Я тоже раньше, как Пашка, думала, что нет ее, никакой любви, потом влюбилась, и – куда только мои принципы делись? Как собачка за ним бегала. Потом – любовь прошла, завяли помидоры – стала умнее. Теперь меня, как говорится, на мякине не проведешь – плавали, знаем, чего стоит эта хваленая любовь. Насмотрелись, слава Богу...

И Лариска, как-то независимо от своего желания, искоса посмотрела на Машку, потом, уже не таясь, – на Настю.

– Была любовь... – зафальшивила она, – была да только все прошло... Теперь – другая сегодня я-я-я...

И Настя возмутилась, возмутилась, как девочка, почувствовала, что даже вспыхнула вся от возмущения.

– Ты чего городишь-то! Чего городишь! Ты о чем говоришь – как это «была любовь»? Она и была, и есть и будет. Просто у тебя ее нет, вот ты целую теорию и придумала, удобную тебе... И сама себе признаться не хочешь, что тоже – любить хочешь, просто еще – не полюбила. Просто – не нашла еще его – своего, того, кто для тебя создан...

Настя остановилась, увидев насмешливый какой-то и одновременно злой взгляд Ларисы.

– Ты, подруга, не лезь, куда тебя не просят, – сказала Лариса как-то медленно и холодно. – И не смешивай меня с собой, в свои идеалы меня не засовывай. Нечего мне то приписывать, чего во мне и в помине нет...

Лариса сказала эту фразу, как точку поставила, и даже как будто успокоилась, продолжила уже более миролюбиво:

– Это ты все во что-то веришь, все ждешь любви своей немыслимой. Вот и жди. А мальчику голову не дури. Он сам разберется. Жизнь сама все по местам расставит...

– Да, – согласилась Настя. – Жизнь сама все по местам расставит...

И посмотрела на Ларису немного виновато – и правда, чего она в Ларискину жизнь лезет. Живет она, как ей хочется, как ей удобно. И пусть живет. А она, Настя, будет жить так, как ей хочется, и будет верить в то, во что ей хочется верить...

...Она шла домой по утренним еще пустынным улицам, думая об этой удивительной ночи – такой длинной, наполненной мыслями, озарениями, верой. Наполненной чувствами – такими разными...

Она шла и думала о бурной любви Ивана и Люси. О Лариске, в которой любовь жила невыпущенной, нерастраченной, запрятанной Ларискиным волевым усилием. Она думала о Маше, ее жизни без любви, но в спокойном, налаженном семейном быте.

Она думала о Пашке, его мальчишеской самоуверенности с неверием в любовь. И вспомнила, как недавно лежала в снегу и думала, что ее видят и слышат, и испугалась вдруг, что Пашку тоже услышат, и не дадут ему любви, раз он в нее не верит.

И испугавшись за Пашку, подумала:

– Господи, не слушай его, он сам не знает, что говорит...

И шла по скрипящим от снега дорожкам между домов и просила, молила:

– Господи, прости его, прости его неверие... Ты просто сделай так, чтобы он полюбил...

И просьба эта так ей понравилась, что шла она и просила:

– Господи, пусть Пашка полюбит... Пусть Пашка полюбит...

И подумалось ей – как славно было бы, если бы все люди любили...

И представила она Машу, которая смотрит на своего Петеньку так, как Лена смотрит на Сережу – глубоко, целиком отдаваясь ему в этом взгляде...

Она представила Люсю, которая так смотрит на Ивана – вся растворяясь в этом взгляде.

Она попыталась представить Лариску, которая так смотрит на своего бойфренда. Только вот взгляд Лариски никак не получался. Смотрела она все равно иронично, насмешливо, как бы говоря – плавали, знаем...

И Настя, вздохнув, подумала:

– Да ладно, Бог с ней, с Ларисой, тут бы с собой разобраться...

И опять начала думать о себе, своей любви, которая, конечно же, случится. Случится в этом году – она была в этом уверена.

Настя шла в этих своих мыслях, сменяющих друг друга, и не заметила, как дошла до своей улицы, до поворота, за которым был уже виден ее дом.

И, завернув за угол, сразу увидела у подъезда машину «скорой помощи».

– Надо же, даже в эту новогоднюю ночь кому-то плохо, кто-то болеет, страдает, – подумала она и тут же почувствовала: «скорая» эта – к Полине Сергеевне, это ей – плохо. И рванулась было к подъезду, но сама себя остановила, чтобы рассмотреть – горит в ее квартире свет? Но окна кухни были темными, и не было заметно отблесков света из коридора.

Настя вздохнула облегченно, даже обругала себя за то, что мысли такие допустила. Хотя что удивительного было в этих мыслях – Полина Сергеевна сдавала, и все чаще в последнее время Настя замечала ее бледность, темные круги под глазами. И все больше баночек и пузырьков с лекарствами появлялось на тумбочке у ее кровати.

Настя вошла в подъезд, и опять волна тревоги накатила на нее, какое-то ощущение, даже уверенность, что «скорая» эта все же к Полине Сергеевне. Она быстро, перескакивая через несколько ступенек, поднялась на этаж, уже прикоснулась было к кнопке звонка у двери Полины Сергеевны, но остановила сама себя:

– С ума сошла, человек, может, спит ангельским сном, а ты ее ни свет, ни заря разбудишь...

И она не стала звонить, просто прижалась ухом к двери, чтобы услышать – нет ли там голосов. Но, казалось, в квартире было тихо.

И Настя, облегченно вздохнув, повернула к своей квартире, возвращая себя в свои мысли, свои надежды и веры.

И только зайдя в квартиру, почувствовала, как устала она за эту длинную ночь. Казалось, все ее мысли, переживания, разговоры навалились на нее. И она даже сопротивляться не стала – быстро разделась, забралась на диван под теплый плед, и заснула в одно мгновение...

...Звонок звучал требовательно и сильно, как может звенеть только звонок в школе. И она заторопилась, побежала по школьному коридору к своему классу, заняла свою парту, достала учебник, но звонок прозвенел опять, и опять, он звонил и звонил – и тут только она проснулась, несколько мгновений осознавая, что это не во сне, вплетенный в сюжет, а наяву звенит звонок – звонок телефона.

Настя подскочила, схватила трубку, и Полина Сергеевна усталым каким-то голосом сказала:

– Настена, извини, – разбудила я тебя?

– Да ничего, Полина Сергеевна, я так – вздремнула немного, ночь целую не спала, – проговорила Настя, оставаясь еще в этом состоянии полусна, не желая просыпаться.

Настя посмотрела на часы – проспала она только полчаса.

– Я понимаю, девочка, что беспокою тебя, но мне лекарство нужно купить, а сама я выйти не могу...

– Тетя Полиночка, случилось что? Вы плохо себя чувствуете? – спросила Настя, окончательно, резко просыпаясь.

– Да так... – замялась Полина Сергеевна, – неважно себя чувствую. Могла бы лучше... – сказала она. – Ночью что-то сердце прихватило да все не отпускало. Вот, пришлось «скорую» вызывать...

– Ох, – вырвалось у Насти, – Полина Сергеевна, так это к вам «скорая» приезжала? А я, бестолковая, ведь подумала же сначала, что это к вам, а потом засомневалась и не зашла к вам. Вы простите меня, Полина Сергеевна, милая, простите меня!

– Да что ты, Настена, за что мне тебя прощать? Мое дело стариковское, моложе я, к сожалению, не становлюсь. А болезни – они только и ждут старости... Ты, Настя, если сможешь, сходи в аптеку, врач мне лекарство выписал...

– Да я сейчас, сейчас схожу, Полина Сергеевна, – торопливо сказала Настя, – сейчас я к вам зайду за рецептом...

Настя быстро оделась, не глядя в зеркало, стянула растрепавшиеся волосы в хвост, накинула куртку, сунула ноги в сапожки, и уже спустя несколько минут была у двери Полины Сергеевны. И слыша ее медленные шаги за дверью, еще более медленные, чем всегда, – почувствовала, что сейчас расплачется: Полина Сергеевна действительно сдавала, и так не хотелось Насте, чтобы с ней что-то случилось...

– Спасибо тебе, Настена, – сказала Полина Сергеевна, открывая дверь, и Настя только рукой замахала: какое тут спасибо – «скорую» проворонила, не зашла, хотя сердце ведь чувствовало, тревожилось!..

И забирая из рук Полины Сергеевны рецепты, непреклонно отталкивая ее руку с деньгами, Настя все еще чувствовала эту досаду и какое-то недовольство – почему не зашла, человеку плохо было, ведь чувствовала же... И так неправильно это было, что такой хороший человек в старости один на один с болезнью остается, один с врачами «скорой» встречается.

– Вы меня простите, Полиночка Сергеевна, – опять сказала Настя, – что вам одной пришлось...

Но Полина Сергеевна даже договорить ей не дала:

– Да что ты, Настенька, что ты все извиняешься. Ко мне такой врач хороший приезжал, такой внимательный, и расспросил про все, и послушал... Вот бы все врачи такие были. Дай Бог ему здоровья. А тебе Настя, вот такого бы мужчину – и надежный он, и заботливый, с таким, действительно была бы ты как за каменной стеной...

– Тетя Полиночка, как я вас узнаю в этом, – улыбнулась Настя. – Вы все о других печетесь. Вот вы обо мне думаете, о моем счастье... А вам сейчас о себе нужно заботиться побольше...

И Настя пошла к двери, думая, что нужно будет Полине Сергеевне побольше внимания уделять, раз со здоровьем у нее проблемы. И уже выходя, услышала, как Полина Сергеевна, видимо, продолжая думать о своем, сказала:

– А жаль, Настя, что не зашла ты утром, – познакомилась бы с доктором этим... Хороший он человек... Я ему сказала: «Девочка у меня есть, как дочь она мне... Человек она хороший и женщина – замечательная, добрая, вот бы вас познакомить...». А он улыбнулся так хорошо и говорит: «Знакомство – хорошее дело. Когда один хороший человек с другим хорошим человеком знакомится – что-то из этого хорошее может получиться...».

Тетя Полина еще что-то говорила о докторе этом, а Настя только улыбнулась ей и подумала – скоро рядом с ней, Настей, появится ее мужчина. И Полине Сергеевне не придется больше переживать за Настю и сватать ей всяких хороших докторов...

Маша опаздывала, и Настя, уже привыкшая к ее опозданиям, пила чай и смотрела на прохожих за окном кафе, в котором они обычно встречались с Машей. Встречи эти на двоих давно уже стали привычными. Еще в годы их учебы в институте, когда притянулись они вчетвером друг к другу, да так и дружили все годы учебы, Настя выделяла Машу среди подруг.

Маша была старше их, и Насте сначала казалось, что именно поэтому была она мудрее, добрее, что ли. Но познакомившись с ней поближе, Настя поняла, что дело было вовсе не в возрасте, не в нескольких годах работы, самостоятельной жизни – просто была Маша очень терпимым, принимающим и понимающим человеком. Она всегда готова была помочь, поддержать. Ее Настя и выбрала как самую-самую близкую подругу. С ней она секретничала, ей поверяла душевные тайны, которые не хотела доверять рассудочной, холодноватой Ларисе и бурной, горячей Люсе.

Маша была – Маша. Насте казалось, что в имени ее звучало что-то теплое, доброе, понимающее. И отношения их с Настей, сложившиеся давным-давно в девичью дружбу, так и остались прочными и очень близкими. И как-то сложилось за годы их дружбы, что раз в неделю встречались они в небольшом кафе, удобном по расположению обоим, либо у Насти дома – попить чаю, поболтать, просто побыть вместе.

Еще когда шла Настя утром домой после новогодней ночи, подумала она, что нужно не откладывая встретиться с Машей. Вся эта ситуация с Пашкиной проповедью в защиту секса без любви так ранила Машу, что Настя понимала – Маше нужна поддержка. Нельзя ее оставлять одну в этой ситуации.

Маша пришла – как всегда, запыхавшись. Она не любила опаздывать, но – вечно кому-то помогала, что-то решала, была озадачена чьими-то проблемами – и не успевала прийти вовремя.

Настя, посмотрев на подругу с любовью, сказала только:

– Все, сядь и расслабься, наконец. Ты, Маш, прям мать Тереза. Опять, небось, человечество спасала в чьем-то лице...

Маша только улыбнулась в ответ, наливая себе чаю из почти остывшего уже чайника. И Настя спросила тактично:

– Как у тебя дома?

И Маша – перестала улыбаться, потом все же усмехнулась, сказав:

– Тихо, как в танке. Как говорится – тишь да гладь, да Божья благодать...

И, помолчав, добавила:

– Видимость именно такая. А что на самом деле – Бог его знает. Видишь, подруга, как все иногда вылезает на поверхность... То, чего не ждешь...

Маша замолчала, помешивая чай в чашке, потом добавила:

– Хотя чего уж тут удивляться? Что другое может вылезти? Если ребенок живет в семье, где любви нет, – как он может узнать, что она есть? Как может в нее поверить?

Маша проговорила это с какой-то горечью, как-то обреченно, и Настя, задетая этой горечью, сказала горячо:

– Нет, Маша, ты не должна так думать. Маленький он еще, Пашка, молодой, в молодости своей категоричный...

– Он-то молодой, Настя, да я-то не молодая, чтобы не понимать, что каждый поступок – к тебе же возвращается. Что все, сотворенное тобой, – приводит к последствиям. Это я жизнь без любви прожила и ребенку своему эту жизнь показала, – что уж тут оправдания себе искать...

– Да нет, Маша, ты не должна так думать, – опять горячо сказала Настя. – Как это ты без любви жила? Ты – да без любви? – Настя произнесла эту фразу как что-то невозможное. – Да кто же тогда с любовью, если ты – без любви?! Ты же любила, Маша. И Сашеньку ты своего любила, и Коленьку, и Пашку – ты же всегда его любила! А то, что у вас с Петенькой отношения ровные, спокойные, – так что же в этом плохого? Что, лучше, что ли, как у Люси, где любовь – как постоянная угроза взрыва?..

Настя замолчала, не зная, что еще сказать, как успокоить Машу. Но та только рукой махнула да улыбнулась грустно:

– Ладно, Настя, не надо меня успокаивать. Все нормально. Все есть так, как есть. И Пашка... – она погрузилась как-то и замолчала на несколько секунд, – он действительно молодой еще. И, видит Бог, я надеюсь, что любовь его настигнет. Встретится он с ней – не может не встретиться. Все мы с ней встречались...

Маша, сказав это, опять погрузилась, и Настя, почувствовав, о ком вспомнила Маша, сказала успокаивающе:

– Конечно, Маш, куда он денется... Полюбит еще – тогда свои выводы и сделает...

– Ладно, подруга, давай о чем-нибудь более радостном поговорим. Давай о тебе поговорим.

– Ну вот, – улыбнулась Настя, – нашла радостное...

– Да, нашла, – улыбнулась в ответ Маша. – Ты ведь всю ночь светишься какой-то радостью, что-то там в тебе происходило. Я это почувствовала. И твои разговоры о любви, и то, как ты говорила это, – что-то такое в тебе было... Свет какой-то... Какая-то радость...

– Ты права, Маша, – тихо сказала Настя, посмотрев на подругу с благодарностью. В этом была вся Маша – всегда она тонко чувствовала то, что ни рациональная Лариса, ни эмоциональная Люся не замечали.

– Это была особенная ночь для меня... – Она замолчала, прислушавшись к себе, чтобы понять, как можно передать Маше свои ощущения, чувства, свою уверенность, что после этой ночи все в ее жизни изменится.

И – не стала думать, как это передать. Рядом была Маша – мудрая, понимающая Маша, и можно было не подбирать слов. Можно быть откровенной, распахнутой.

И она рассказала – о елке, стоящей во дворе дома без убранства, о том, какие чувства к ней пришли, когда она ее украшала, о молитве своей, о взгляде в небеса с руками, раскинутыми в стороны, и о вере, пришедшей к ней. Вере – незыблемой, что ее услышали. Что ее мужчина появится в ее жизни. Что они будут вместе, и следующий Новый год будут праздновать вдвоем.

Маша слушала, не перебивая. Слушала с хорошим лицом – так мамы слушают любимых детей, вникая в каждое слово, кивая головой в знак согласия, понимания.

Настя замолчала. И Маша продолжала молчать. Потом сказала тихо:

– Ты только верь, Настя. Все так и будет. Должно быть. У тебя – должно быть... – добавила Маша, и Настя чуть было не произнесла то, что почти сорвалось:

– Так должно быть у каждого...

Но – не произнесла. А Маша добавила:

– Он обязательно появится, твой мужчина. Твоя любовь обязательно придет – я верю, Настя...

Настя с благодарностью пожала руку подруги и сказала:

– Ты знаешь, мне так легко стало после этой ночи. Такая уверенность во мне появилась... И, главное, я совсем не думаю – как это произойдет, где, откуда появится этот человек. Я просто *знаю* теперь, что мне его дадут. Там – знают... Там всё знают – и кто мне нужен, и каким он будет, и где произойдет встреча... Я могу больше не беспокоиться – он обязательно появится!.. Мне Бог поможет с ним встретиться...

Настя проговорила это и, посмотрев на Машу, покраснела от смущения – не слишком ли она самоуверенна.

Но Маша по-прежнему смотрела на нее с доброй, любящей улыбкой и повторила то, что уже сказала:

– Ты только верь, Настя... Только – верь...

Несколько дней пролетели незаметно – в каких-то ежедневных делах, заботах. Настя любила эти праздничные дни, начало нового года. Нравилось ей в эти дни наводить какой-то новый порядок в доме, как будто готовилась она к новой жизни.

Так было всегда – и когда была жива мама, – они вдвоем что-то перекладывали, освобождались от каких-то старых вещей. И когда Настя осталась одна – всегда она использовала эти дни, чтобы пересмотреть одежду, навести порядок на кухне, хотелось ей какой-то новизны.

Сейчас – все это было еще более важно. Скоро в ее жизнь войдет мужчина, ее мужчина, которого она ждала всю жизнь. И Настя, наводя порядок на полке, выравнивая стопки наглаженного постельного белья, вешая на плечики блузки, представляла – как на это посмотрит ее мужчина. Она с каким-то интересом осмотрела всю комнату, привычную обстановку. И ей захотелось передвинуть кресло ближе к окну, и решение купить дорогой торшер, так прекрасно гармонировавший с креслом, который она видела в мебельном магазине, – пришло легко и естественно. Так будет уютнее в комнате. И цвет абажура – приглушенно-желтый – будет создавать в комнате ощущение тепла и мягкий рассеянный свет.

Насте приятно было так думать, смотреть на свою квартиру как на место, в котором скоро появится другой человек – ее любимый мужчина.

Это ощущение чуда, которое скоро случится с ней, все еще жило в ней. И так интересно было – откуда он появится, как произойдет встреча. Но она не стала об этом размышлять, в ней жила вера:

– Мне его дадут, – подумала она. Подумала легко, веря в это. – Мне его пришлют, приведут его ко мне, а меня к нему... – подумала она светло и подняла глаза вверх, туда, в небеса, где всё видят, всё знают и всё могут.

Действительно – о чем ей беспокоиться? Что ей надо делать? Да ничего. Маша права – надо только верить.

И вечером, стоя у окна, смотря на черную ночь за окном, Настя думала всё о том же. О любви. О своем желании любить. О том, что каждому человеку нужна любовь. Она – главное, что нужно человеку. Нужна она и Ларисе, которая гоножится и делает вид, что ей это не нужно. И Пашке, мальчишке, ох, как она нужна. И Маше, и мужу ее нужна любовь, пусть и договорились они жить без нее.

И стояла Настя вечером у окна и молилась. Молилась искренне, чисто, подбирая слова – наивные, может быть, не взрослые:

– Господи, Боженька, сделай, пожалуйста, так, чтобы люди с любовью встретились... Пусть любовь войдет в их жизнь... Пусть любовь войдет...

И что-то было такое чистое, проникновенное в ее молитвах, что слезы наворачивались на глаза.

И когда легла спать, всё еще было в ней ощущение какого-то близкого волшебства, того, что действительно скоро и любовь войдет в ее жизнь и мужчина ее придет. Встреча эта вот-вот произойдет.

И как только заснула – он ей тут же и приснился.

Он приснился ей, и она сразу поняла, что это – он. Только он это и мог быть. Ее мужчина. Ее любовь, ее близкий и родной человек, которого она ждала все эти годы.

Она не видела его, не видела его лица, его тела – просто он был рядом, близко. Он был рядом, в темной тишине, и был такой покой, оттого, что он был рядом, что это был он.

Это было такое удивительное чувство покоя, внутренней тишины от правильности того, что этот человек рядом. Было ощущение, как будто она бежала, бежала куда-то и прибыла, наконец, к пункту назначения. И пункт назначения был – он.

Там, во сне, она, не видя его, была рядом, тесно, близко с ним – уткнувшись в его плечо. И плечо это, которого она не видела, только чувствовала, – было *ее* плечом, для нее сделанным – удобным, уютным и родным. И он своей рукой прижимал к себе ее плечо, и ощущение от руки этой – мужской, сильной, и доброй, родной – давало такое ощущение безопасности, защищенности, что, казалось, готова она всю жизнь провести вот так – уткнувшись в любимое это плечо.

И он называл ее по имени. И что-то еще говорил ей – она не помнила этих слов, но это был его голос – низкий, по-настоящему мужской голос. И даже от голоса его чувствовала она покой и защищенность, как будто бы им он укутывал ее.

И когда она проснулась, она еще долго лежала в этом ощущении – он был рядом с ней. Она была в покое и защищенности. Она была собой – той собой, которой и была, и была счастлива и спокойна.

Она долго лежала вот так, в ощущении покоя от этой встречи со своим мужчиной. И главное, она уже знала – какой он. Знала, какое самое важное отличительное качество укажет ей, что это он.

Когда это будет он – она сразу почувствует то, что было с ней во сне. То чувство покоя, как будто приплыла она, наконец, в ту дальнюю гавань, куда сейчас направлялась.

Это чувство покоя – как критерий отбора. Как утверждение того, что это он.

Захочется ли ей быть рядом с мужчиной, просто быть – просто сидеть, просто молчать, чтобы было вот так хорошо, как во сне, – тогда это и будет ее мужчина. И то чувство защищенности, безопасности рядом с ним от прикосновения руки его – тоже покажет ей ее мужчину. И даже голос его подскажет ей, что это он...

И проснувшись утром, Настя все еще пребывала в этом состоянии покоя, какой-то тихой радости от его присутствия. И пока умывалась, готовила завтрак, все еще была полна этого ощущения – близости, защищенности, как будто он действительно был рядом.

И таким сильным было чувство, что он вот где-то совсем рядом, что она даже заволновалась, подумав, он ведь на самом деле может появиться в любую минуту, а я к этому готова? И в зеркало на себя посмотрела, из которого глянула на нее обычная, ежедневная, какой она себя знала, Настя – милая, русоволосая, без косметики, которую очень редко она употребляла, нравилось ей быть собой – естественной. И Настя подумала: такой он меня и увидит – такой, какая есть.

И опять комнату свою глазами обвела, как бы его глазами на нее взглянула. И вчерашнее решение кресло передвинуть и купить торшер вспыхнуло в ней с новой силой, и она откладывать его не стала – тут же начала столик от окна отодвигать, кресло на его место переставила. И, благо день у нее был выходной, поехала в торговый центр, в мебельный салон, в котором торшер этот с желтым абажуром видела. И купила его с легкостью, хотя дорогая это была покупка. Но казалось Насте – как только все будет готово для этой встречи – тут же она и произойдет.

И уже выходя из торгового центра, проходя мимо отдела игрушек, увидела Настя медвежонка – мягкого, желтого, с доброй и забавной мордочкой. И так почему-то он тронул ее, что не могла она удержаться, зашла в отдел, взяла его в руки, к себе прижала и поразились мягкости и шелковистости его меха, почувствовала такое приятное ощущение от теплого этого объятия. И что-то знакомое было в этих ощущениях – теплоты, доверия, уюта, что Настя тоже, не раздумывая, купила теплого этого, желтого медвежонка и подумала с улыбкой:

– Вот и пусть пока в кресле сидит, под светом желтого абажура... Будем вместе ждать, пока мой мужчина появится...

День, несмотря на всю его солнечность и прозрачность, был суетным и утомительным. Каникулы закончились. Студенты начали учиться, а значит, началось время работы. И как всегда, первые эти дни после каникул были полны дел, разговоров, какой-то суеты.

Но настроение у Насти все равно было хорошим: немного волнующее и в то же время такое спокойное осознание, что скоро произойдет то, о чем она так долго мечтала, – делало ее жизнь какой-то светлой и спокойной. Беспокоиться было не о чем. Нужно было просто ждать. Просто жить и быть готовой к встрече.

Настя задумалась, задумалась так, что ее трижды окликнула заведующая учебной частью, прежде чем она услышала ее недовольный требовательный голос. И Настя получила, что называется, по полной программе за все – и за то, что весь ее курс опоздал на лекцию по информатике, и за то, что она еще перед каникулами не сдала ведомость о зачетах, и за то, что проигнорировала дежурство на каникулах.

Завучка, как называли ее преподаватели, подчеркивая этим всю ее вредность и ничтожность, высказала все свое недовольство, развернулась и ушла своим солдатским шагом. И Настя рванулась было, чтобы догнать ее и объяснить, что студенты не виноваты – их задержали на вводной лекции по психологии, и что ведомость она сдала, только не ей, а завкафедрой, и что дежурить она не отказывалась, вместо нее должна была дежурить секретарь их кафедры, но, как оказывается, не вышла на дежурство. Настя рванулась было, и остановила сама себя.

Не нужны были завучке ее объяснения. Не для того она ругала всех, чтобы получать оправдания. Ей нравился сам процесс, сама роль руководителя, который властвует, унижая других. Как будто бы мстит другим за что-то.

– Несчастный человек, – подумала Настя. – Несчастливая, одинокая, и злая от своего одиночества, – подумала она о завучке. И подумала еще, что они очень похожи с ней. Две одинокие женщины. И она, Настя, тоже может с годами стать вот такой обозленной женщиной, мымрой, как звали ее студенты. Такой вот несчастной от того, что ее никто не любит. И не любящей никого.

– Свят, свят, свят... – пробормотала Настя вслух, как нечистую силу от себя отогнала. – Не дай Бог, чтобы я такой стала. Не буду я такой! – сказала она упрямо, как говорят дети. – Не буду! – проговорила она, и ей тут же стало легче. Как будто эта ее по-детски произнесенная клятва, вместе со словами какой-то непонятной молитвы, спасала ее от того, чтобы такой стать, как эта недобрая одинокая женщина.

И пока она шла по коридору, думала о том, что одиночество совсем не красит женщину, и с удивлением подумала – как много одиноких женщин ее окружает. Она никогда как-то особенно об этом не задумывалась – ей важно было найти ее мужчину, расстаться со своим одиночеством, а ведь на самом деле большинство женщин хотят того же. Она остановилась, пробираясь в памяти всех своих сотрудников-женщин, которых было большинство, и с удивлением подумала, что, на самом деле, только у нескольких женщин были нормальные семьи, в которых женщины чувствовали себя защищенно и уютно. У остальных же – мужчин либо не было вообще, либо были такие, что лучше бы их вообще не было. Получалось, что подавляющее большинство женщин тоже озабочены встречей со своими мужчинами. Находятся в ожидании, в поиске мужчин.

Настя подумала о мужчинах-сотрудниках. Их было мало. В большинстве своем они были женаты. Но даже холостые мужчины, работающие в институте, не привлекали внимание женщин. Были эти мужчины какими-то «не мужчинами», поэтому не слишком-то они пользовались спросом среди коллег-женщин.

Один из них – Виталий – был Настиним однокурсником. Еще в годы учебы он пытался ухаживать за ней, провожал домой, да ничего у них не получилось. Был он хорошим парнем, милым, добрым, заботливым. И был нормальным другом, который доставал нужные книги, делился лекциями, шпаргалками, просто был рядом. С ним всегда было о чем поговорить – нравились им одни и те же писатели, одни и те же преподаватели в институте, одни и те же курсы, даже еду они любили одинаковую. И девчонки, наблюдая эту Настину дружбу и явный интерес Виталия, не раз подначивали Настю – вот, мол, на курсе и жениха себе нашла. Но Настя и тогда сразу открещивалась от Виталия как от потенциального ухажера.

– Да меня к нему вообще не тянет, – говорила она подругам. – И хороший он, и умный, и порядочный... Но – нет в нем чего-то такого, что меня бы привлекало в нем как в мужчине... Он – друг. Приятель. Но не больше... Он вообще – как хорошая подруга, но вот чего-то мужского в нем нет...

Когда, отработав после распределения в школе положенный срок, Настя устроилась в этот институт, она опять встретила Виталия – работал он на ее же кафедре, был аспирантом. Был он таким же хорошим, приятным человеком. С ним все так же интересно было говорить, и не раз они вместе обедали, шли с работы вместе, находя темы для разговора. И Настя знала, чувствовала, что нравится ему, что он с радостью бы за ней ухаживал с серьезными намерениями.

И не раз в последнее время подруги, наблюдая Настино одиночество, говорили ей, каждая на свой лад:

– И чего бы тебе с Виталием поближе не познакомиться, ведь хороший же парень, может, узнала бы его поближе и получилось у вас чего, – говорила мягкая и рассудительная Маша.

– Да ты бы хоть с Виталькой своим роман закрутила, чем вообще одной сидеть, – говорила резкая Лариска, – хоть какой-то бы мужик появился. Хоть бы для здоровья... А то ты пока прынца своего ждешь – совсем зачахнешь...

Но Настя каждый раз упрямо крутила головой и говорила:

– Зачем же я буду человеку голову морочить, когда – не мой он... Хороший он, Виталик, хороший, но мне от него кроме дружбы ничего не нужно...

И не раз думала она, что просто не видит она в нем мужчину, как когда-то не видела его в Алешке. И так и оставались они друзьями, работая рядом.

И женщины – сотрудницы с кафедры, похоже, тоже не видели в нем мужчину. Ни в нем, ни еще в двух преподавателях на их кафедре – милых, образованных людях. Но очень каких-то – мягких, обходительных, что ли, без какой-то выраженной мужской части.

Вот и получалось, думала Настя, что так много одиноких женщин окружает ее. В них, как и в ней, живет желание любви и настоящего женского счастья, знакомого большинству из них только по книгам.

На самом деле Настю даже порадовал этот ее вывод. Совсем не испугала ее эта возможная конкуренция, потому что, конечно, когда вокруг так много одиноких женщин, вероятность найти своего мужчину как будто бы уменьшается. Но она думала по-другому:

– Если так много женщин хотят любви и ждут своих мужчин – должны же их там, наверху, услышать... И чем больше женщин хотят найти свою любовь – тем громче их голоса, тем скорее их услышат, и тем скорее он появится в ее жизни. Он – ее мужчина...

День шел, как обычно, в делах и заботах, пожалуй, только больше шума и какой-то неорганизованности было на занятиях в институте. Студенты еще не успели войти в рабочий учебный ритм, поэтому и болтали больше чем надо, и были более оживленными на переменах между парами, когда рассказывали что-то из той жизни, которой они жили на каникулах.

А Лена Сидорова с Сережей Нестеренко, наоборот, были как-то молчаливы, осторожны, что ли. Насте показалось, что они как-то присматриваются друг к другу, заново привыкая, узнавая друг друга. Настя знала, что Лену мама на все каникулы отправила к старшей сестре в Самару. Отправила, наверное, от греха подальше, чтобы не встречались безнадзорно Лена с Сережей, чтобы не натворили чего-нибудь.

Мама Лены была типажом ярким и странным. Еще когда Настя после окончания филфака работала в школе, встречались ей иногда такие вот мамы – активные, громкие, всё контролирующие, во всё сующие свой нос. Занимали они, как правило, посты в родительском комитете, старались завязать короткие, близкие отношения с классным руководителем, чтобы «держать руку на пульсе», чтобы своего ребенка держать под контролем. Настю всегда раздражали такие мамы – и немного пугали своей активностью, правильностью, и какой-то бездушностью.

Потому что за всеми этими их правилами и принципами, позициями – не было в них чувств и души, и просто – понимания.

Настя помнила одну из таких мам, яркую защитницу прав и правил, которая дотошно выясняла после выпускного вечера – куда исчезло столько продуктов, оставшихся на столах.

Родители не поскупились – столы действительно ломились от вкусностей: дорогие колбасы, балык, икра, фрукты, коробки конфет, пирожные. Дети не оценили родительской щедрости – не до балыка им было, не до еды. Сразу после короткого застолья начались танцы, и вчерашние ученики, нынешние взрослые и свободные люди, отдались последней возможности «оторваться» в стенах школы. Где-то по углам распивались заранее пронесенные и припрятанные спиртные напитки, где-то велись жаркие разговоры, где-то обнимались влюбленные парочки. Изредка кто-то из детей подходил к столу, выпивал стакан воды, ковырялся в бутербродах, съедая икру и оставляя надкусанный хлеб, загребал из коробки горсть конфет.

К утру, когда дети ушли встречать рассвет, а родители все еще сидели в кабинете учителя труда и сами отмечали знаменательное событие, пришла пора убирать зал. Тогда только и собрали оставшиеся продукты, и получился увесистый кулек с бутербродами, просто – с нарезкой разного вида, целое блюдо фруктов.

И с Настиной легкой руки его разобрали по частям. Пакетик вкусностей взяла себе уборщица тетя Оля, которую все дети любили за ее домашний какой-то нрав, но на выпускной вечер, однако, не позвали. И Настя посчитала, что ничего страшного не будет, если она тетю Олю угостит с детского стола. Часть продуктов Настя отнесла в кабинет домоводства – завтра был экзамен у 6-го «Б», и Настя решила – будет здорово угостить коллег во время перерыва. Большую часть оставшихся продуктов забрала Нина Ивановна, организатор внеклассной работы, которая шла на другой день в поход с седьмыми классами. Выпечка, фрукты и несколько упаковок газированной воды – всё это было просто подарком в трехдневном походе.

Сама Настя тоже всю ночь не ела, не до разносолов ей было. Это был ее выпускной класс, поэтому ей было нужно всюду успеть и все проконтролировать: и вовремя увести из коридора подвыпивших выпускников, чтобы директору на глаза не попались, и с родителями пообщаться, и выслушивать излияния своих вчерашних учеников. Поэтому к моменту уборки стола была она откровенно голодной. И, пока наводили порядок в актовом зале, в котором проходило торжество, пока тетя Оля, которая специально по этому поводу вышла на работу рано утром, мела зал, Настя сделала совершенно потрясающий королевский бутерброд – сложив на кусок хлеба несколько кусков ветчины, буженины и копченой корейки. И съела его с аппетитом, как будто наградила саму себя за все мытарства последних дней и всю суету этой ночи.

– Где наши продукты? – задала вопрос эта все контролирующая мама на другой день. И повторила с чувством внутреннего достоинства и возмущения невиданной несправедливостью:

– Где те продукты, которые оставались на столах?

И вопрос этот, и мама, пришедшая на другой день в школу специально, чтобы спросить это, были так неожиданны, что Настя не нашла, что и ответить.

И сразу вспомнила этот свой восхитительный бутерброд, нарезки эти, с королевской щедростью в несколько этажей положенные на хлеб, и стало ей так стыдно и так неловко за себя, и за этот бутерброд, и за маму, которая в школу пришла для того, чтобы разобраться, куда делись оставшиеся продукты.

И Настя смутилась окончательно, даже забыла сразу – куда все эти продукты делись, как будто она одна и съела все это в этом величественном, роскошном бутерброде.

И потом, запинаясь, как провинившаяся, объяснила маме, что продукты эти, которые не понадобились выпускникам, пригодились в походе, что часть их она отдала на экзамен, что она угостила ими тетю Олю. Она даже про бутерброд свой рассказала, чтобы мама поняла, что она все честно рассказывает.

Но, пока говорила она все это маме, – не оставляло ее чувство, что говорит она с человеком, который ее не слышит, который ее аргументы не принимает, который видит только факт – продукты исчезли. И сам этот факт ложится пятном и на Настю и на других учителей. Потому что изначально эта мама видела в этом факте плохое – воровство.

Когда мама, недовольная, с осуждающим взглядом, ушла, высказав ей свое принципиальное несогласие с таким обращением с продуктами, купленными на общественные деньги, – Настю еще долго не оставляло чувство неловкости от самой ситуации, и чувство неловкости от общения с такой вот – принципиальной, порядочной и какой-то... нечеловечной – мамой.

И Настя не раз потом встречала таких родителей – правильных, жестких, недоверчивых. И, когда много лет спустя, уже работая в институте, она познакомилась с мамой Лены, она почувствовала в ней такой знакомый тип правдоискателя и контролерши, всегда знающей, как надо и как не надо поступать.

Вообще было как-то не принято, чтобы родители студентов посещали кураторов курсов – как в школе: спрашивали, как там их ребенок. В общем-то, ничего в этом не было плохого, даже наоборот, могло бы говорить о заботливости, внимательности родителей к своему чаду, – но после посещений мамы Лены всегда оставался этот осадок, какое-то неприятное чувство,

что она не должна ходить и интересоваться жизнью дочери. Не должна ходить и интересоваться именно так, как она делала.

Был в ее вопросах не интерес – а контроль, надзор, как будто никак не могла она отпустить Лену во взрослую жизнь. Было в ее вопросах какое-то недоверие – и самой Лене, которая, казалось, так и должна была непременно что-то натворить, если ее не контролировать, и Насте, которая уверяла, что Лена – прекрасная девочка. Было что-то очень неприятное, жесткое в самой маме, с ее знанием жизни, попыткой оградить, уберечь своего ребенка. Уберечь от чего – от жизни? От опыта? От любви, наконец?

Настя даже поморщилась от досады, когда подумала об этом. Она действительно каждый раз, когда встречалась с мамой Лены, испытывала досаду, что так боится та за Лену, так переживает, так ждет от нее плохого. И самое обидное, что ждала она плохого и видела плохое в таком хорошем и чистом, чему сама Настя, несмотря на то, что самой ей уже давно перевалило за тридцать, завидовала самой светлой завистью. Завидовала этим взглядам. Этим ненарочным прикосновениям, после которых они смотрели куда-то вглубь друг друга, на мгновение забывая обо всем на свете – и кто они, и где находятся, и то, что на них могут смотреть и увидеть их глубокие, какие-то проникающие друг в друга взгляды, их соединенность друг с другом.

Мама Лены, по-видимому, думала по-другому, ее эта любовь не радовала, а настораживала. И Лена в этой любви была неконтролируемой – кто их знает, чем они там на самом деле занимаются, когда встречаются, идут в кино или просто гуляют. И Сережа, по-видимому, не совсем соответствовал вкусам или ожиданиям мамы, поэтому как-то не поддерживала она эту любовь, старалась Лену контролировать, от себя надолго не отпускать, а на каникулах, наоборот, – подальше отправить, чтобы рядом с Сережей соблазнов не было.

Но как бы ни контролировала мама Лену, как бы ни была она недовольна ее отношениями с Сергеем, – отношения эти были. Были эти взгляды, небесная эта чистота в их взглядах. Был в них огонь и нежность. Была любовь. Была – Настя видела это.

И так радовала ее эта любовь – как ежедневное подтверждение, что она есть. Как поддержка ей, Насте, что у нее она тоже обязательно случится. Ведь если она есть – то куда же ей деться? Обязательно она, Настя, с ней встретится. Маша права – как можно с ней не встретиться...

Она вышла из здания института и зажмурилась. Зажмурилась с каким-то удовольствием, с внутренним наслаждением от того, что день был таким солнечным, что хотелось закрыть глаза. И состояние ее сейчас было похоже на состояние мурлыкающей кошки, жмурящейся на солнышко. И несмотря на сцену с завучкой, несмотря на то, что она устала сегодня от шумных ребят, от суеты первого учебного дня после каникул, – Настя чувствовала себя счастливой. Счастливой и стоящей на пороге чего-то хорошего и нового.

Она шла в этих своих хороших мыслях и смотрела на людей, на таких же одиночек, как она, или на парочки, и ей было хорошо и радостно всех рассматривать. И она подумала, что среди этих людей может быть он. Ведь она еще совсем не знает – какой он, где живет, по каким улицам ходит. И, может быть, он сейчас где-то рядом. И она уже с большим интересом стала смотреть по сторонам, выделяя из потока людей одиноких мужчин.

Может быть, это он? А может, вот тот? А может, этот? Она посмотрела на мужчину, идущего впереди нее, посмотрела настойчиво, как бы стараясь рассмотреть в нем, увидеть в нем своего мужчину. Неожиданно мужчина повернулся, как бы почувствовав Настин взгляд, и Настя поспешно проговорила сама себе: «О нет, Господи, только не этот!..» – и ускорила шаг, и поскользнулась. И подумала весело:

– Смотри под ноги, нечего по сторонам смотреть... Когда ему нужно будет появиться – он сам появится...

Мысль эта ей понравилась. Здорово жить, зная, веря, что все нужное произойдет в положенное время. И пошла Настя домой в уже привычном состоянии спокойствия и вместе с тем радостного ожидания встречи.

И уже выйдя из метро, на улице, проходя мимо книжного развала, она увидела книгу. И название ее обратило на себя внимание: «Как найти мужчину своей мечты». Пробежав глазами по названию, она улыбнулась и, идя дальше подумала:

– Вот ведь какие книги пишут... Но мне это не надо – я своего мужчину и так встречу...

Но тут же посетила ее другая мысль – интересно, что там может быть написано, в такой книге? И она вернулась к развалу, взяла книгу в руки, на обратной ее стороне увидела фотографию автора – женщины, похожей на голливудскую красотку или на куклу Барби.

Что-то не понравилось Насте в лице этой женщины, не нравились ей женщины с такой вот кукольной, неестественной какой-то, «сделанной» красотой. И то, что автор, судя по имени, была то ли американкой, то ли англичанкой, тоже не говорило в пользу книги. Настя много читала, интересовалась психологией, и уже по опыту знала – таких вот иностранных авторов просто переводят на русский язык, не адаптируя для русских читателей, но пишут-то они, рассчитывая на свой менталитет. Поэтому книги эти и советы, которые в них содержатся, часто бесполезны для наших людей. И Настя положила книгу обратно.

Но – опять засомневалась, решила аннотацию все же почитать. Опять взяла в руки книгу и прочла аннотацию, в которой говорилось, что книга представляет собой психологически грамотное пособие по поиску партнера. И так здорово это в аннотации прозвучало – «психологически грамотное пособие по поиску партнера». И она подумала – взять, что ли, полистать, посмотреть ради интереса? Она открыла книгу, пробежала глазами содержание и подумала с удивлением:

– Да тут же целый план поиска, целая система, четко разработанная, учитывающая все возможности поиска...

Об этом говорили названия разделов:

Приемы и методы знакомства

Способы привлечения мужчин

Знакомство по объявлению

Знакомство через брачные агентства

Знакомство в общественных местах

Знакомство в местах массового скопления мужчин

Эффективное знакомство...

В ее руках было целое руководство к действию. Она полистала пособие, пробежав глазами несколько абзацев на разных страницах и, забыв о своих сомнениях, не стала раздумывать. Она купила книгу и, купив, подумала: как хорошо все складывается, как вовремя – книга эта нашлась как нельзя кстати.

И показалось Насте это еще одним подтверждением того, что скоро все обязательно случится, она встретит своего мужчину. И покупка эта вдруг как-то по-детски обрадовала ее, и она помчалась домой, забыв смотреть под ноги, скача по лестнице через ступеньку, как мчалась в детстве домой с какой-то радостью.

И придя домой, она первым делом взяла в руки книгу, забралась с ногами на диван, и подумала – вот и начинают сбываться чудеса. Эта книга – знак. Это – подарок судьбы.

Осталось только прочесть, переработать все, что написано в книге, использовать все эти советы, приемы, уже разработанные умными людьми, уже опробованные на чужом опыте. Осталось только действовать. Читать – и делать то, что надо.

И Настя уже и забыла о своих сомнениях в том – что может эта чужестранная женщина ей, Насте, посоветовать? Забыла о том, что думала полчаса назад – когда ее мужчине нужно появиться, он сам появится...

И начала читать. Начала читать с интересом, с каким-то радостным возбуждением. И не просто стала читать, а как раньше, в студенческие годы, при подготовке к экзаменам, чистую тетрадку взяла, чтобы все самое важное выписывать.

Начала она читать и опять поразилась – как для нее уже все придумано. И как все это действительно психологически грамотно обосновано. Автор книги, тетенька эта (так еще с детства называла она женщин старше себя, или вот таких, как эта женщина-автор, – умных, важных), конечно же, знала толк в психологии. И вся система поиска мужчин и была разработана на основе изучения их психологии, того, что им нравится в женщинах, на что они ловятся, чему отдают предпочтение. Все было грамотно и просто описано – и где их искать, и кого искать, и как их ловить, и чем ловить. И какой быть, чтобы не только поймать мужчину, но и удержать его.

– Это же просто какое-то пособие по охоте на мужчин, – восхищенно подумала Настя. – И это только начало книги... Что же будет дальше?..

Но тут же на смену ее восхищению пришло какое-то другое чувство – сомнения. А ей это надо? Надо ли ей, Насте, на мужчин охотиться?! И само слово это – охота, которое так точно передавало смысл самого подхода к поиску, – не понравилось Насте. И сам процесс – тем более. Она же хочет мужчину своего найти, просто – встретить его. Зачем ей на кого-то охотиться?

И она закрыла книгу, посмотрела на фотографию женщины этой, похожей красотой своей «сделанной» на Барби, прислушалась к чувствам.

– Все это мне не нужно, – подумала Настя, и тут же сама себя поправила: – охота мне не нужна, а вот знания о мужчинах, о том, как проще познакомиться, все это может пригодиться...

И добавила примирительно, как будто сама себя с книгой ей ненужной примирить хотела:

– Надо просто из этой книги самое главное выбирать, нужное мне. Нельзя же так просто от такого ценного руководства отказываться...

И забыла в эту секунду о том, о чем еще пару часов назад помнила – о поддержке Бога, Вселенной, которые просто приведут к ней ее мужчину, о вере своей в это...

И продолжила книгу читать. И зачиталась, просто зачиталась, потому что действительно интересно тетенька эта писала о том, как можно внимание к себе привлечь, как разными мелкими женскими хитростями можно пользоваться. И столько разных, незнакомых для Насти приемов было приведено в книгах, столько примеров из жизни женщин, которые ими пользовались, что Настя и сама не заметила, как вовлеклась в чтение, вовлеклась так, что и про сомнения свои забыла.

А когда перешла к чтению раздела о знакомствах по объявлению, опять удивилась, как все четко, ясно было расписано – и как свое объявление написать, и как сделать его эффективным, и где его разместить. И как объявления мужчин изучать, на что внимание обращать.

Настя остановилась, чувствуя, что энергия книги ее просто втягивает, что готова она ее всю сразу прочитать, и решила, что не будет торопиться, будет по главам всю эту умную книгу прорабатывать и сразу действовать, исходя из рекомендаций.

Телефонный звонок не отвлек ее от этих мыслей. Слишком важным было то, что она читала, чтобы отвлекаться на телефонный звонок.

Но телефон все звонил – и она с неохотой взяла трубку. И тети Полинин голос, звучавший как-то низко, глухо, непривычно для нее, не вывел Настю из ее мыслей. И слушала она вполуха, думая о своем.

– Настя, ты сейчас свободна, можно тебя отвлечь? – мягко и тактично, как всегда, спросила тетя Полина. И Настя не стала кривить душой, сказала как есть:

– Тетя Полиночка, я сейчас занята, очень занята, давайте я Вам перезвоню чуть позже.

– Хорошо, Настя, – все также мягко, и каким-то глуховатым, не ее голосом, сказала Полина Сергеевна и положила трубку.

А Настя вернулась к книге, еще раз этот раздел про знакомство по объявлению просмотрела. Очень понравилась ей мысль, что просто необходимо по каждому разделу таблицу составить и отмечать в ней дату и количество знакомств – отмечать свои результаты. Что в таблице этой нужно обводить кружочком перспективные знакомства, перечеркивать неудачные, то есть сразу ставить крест на ненужных претендентах, а то потом путаница может возникнуть. И тетрадь нужно завести, в которой каждый «объект» – так в книге мужчин называли – должен быть описан, все его данные, информация о нем, примечания, телефон, адрес, если таковой имеется. При таком подходе к поиску, как к закидыванию огромной сети во всех сферах жизни – на работе, в транспорте, в магазинах и ресторанах, даже на улице, – поневоле запутаешься и в количестве, и в именах, и в сроках. А поиск – дело, требующее планирования, системы и четкости. При таком подходе поиск своего мужчины был гарантирован, уверяла эта тетенька-автор. И Настя была с ней согласна. При таком подходе – куда ему деваться? Она его обязательно найдет – кто бы он ни был и где бы он ни был.

Настя задумалась, как лучше такую таблицу нарисовать, чтобы сразу весь процесс поиска был виден. Она достала еще одну тетрадь, чтобы сразу ее в нужную таблицу разграфить, да передумала. Решила, что правильнее будет не в тетради ее делать, а на большом листе ватмана, куда сразу можно все разделы вписать, все направления поиска – тогда перед ней будет вся полная картина – и сколько, и где, и когда, и результат будет ярче виден. И улыбнувшись тому, что вот, она еще и книгу до конца не дочитала, а уже немного усовершенствует тетенькину идею, принялась за дело.

И опять телефонный звонок прозвучал резко, настойчиво. И Настя взяла трубку с неохотой – вот ведь, отвлекают в самый неподходящий момент.

– Настена, извини, что мешаю, – слабым каким-то голосом проговорила Полина Сергеевна.

– Ой, тетя Полиночка, извините вы меня, – спохватилась Настя, – я тут увлеклась, забыла вам перезвонить.

– Ничего, Настенька... Я... – тетя Полина замолчала. – Меня в больницу кладут, Настя, – сказала она.

И Настя только охнула и сказала:

– Я сейчас...

И, как была в халате, ничего не накинув, выскочила из квартиры на лестничную клетку. И увидела спину спускающегося по лестнице врача, открытую дверь в квартиру Полины Сергеевны, и саму Полину Сергеевну, которой медсестра помогала пальто надеть.

– Теть, Полиночка, да как же это так, – только и сказала Настя, испытывая в эту минуту настоящий стыд. Как она могла о Полине Сергеевне забыть! Как могла не почувствовать, что той помощь нужна! И Настя даже какую-то неприязнь почувствовала к этой книге, которая ее так в себя погрузила. Но было это ощущение – одним мгновением. Полина Сергеевна вышла из квартиры и сказала:

– Иди, Настя, не застудись... Ты чего выбежала раздетой...

И начала осторожно спускаться по лестнице, поддерживаемая под руку медсестрой.

– Тетя Полиночка, я к вам приеду, тут же и приеду, – сказала Настя, но та – только рукой махнула, не суетись, мол...

Настя вошла в квартиру, и тут только как будто бы догнало опять ее чувство стыда, раскаяния, и она дернулась было одеться – быстро, джинсы надеть, свитер, ноги в сапожки сунуть и пальто накинуть – и мигом бы она Полину Сергеевну догнала и в машину посадила, и с ней в больницу поехала. И это было очень правильное решение – нельзя же ее одну в беде оставлять...

Но – в комнате на столе лежала книга. Так нужная ей сейчас книга. А на полу лежал лист, на котором она уже успела провести несколько линий будущей таблицы. Ну как было сейчас от всего этого уйти?

И она сказала, оправдываясь:

– Я к Полине Сергеевне чуть позже съезжу... Через пару часиков... Вот дорисую таблицу и поеду...

И вроде – облегчение испытала. И правда – чего суетиться...

И к таблице вернулась, и сначала все же испытывала какую-то неловкость, вроде – ох, не то она сейчас делает, но как-то быстро это ее отпустило – должна же она в конце концов заниматься своей жизнью? У нее такое важное событие впереди – встреча своего мужчины. Вернее, поправила она сама себя, – поиск своего мужчины.

И сама не заметила, как поправила.

И разницы не заметила.

Только совсем это были разные вещи: встреча своего мужчины – или поиск.

Подарок Божий, вымоленный ею, – или работа, терпение и труд...

Но, уже увлеченная процессом, старательно рисовала она таблицу, стараясь сделать ее простой и функциональной. И через час – красивая, ровненько разграфленная таблица, состоящая из всех разделов поиска, указанных в книге, была готова.

И таблица эта, хоть и пустые пока ее клеточки, вдохновила Настю – здорово, что есть такой четкий план поиска. И она, вдохновленная самой идеей такого планомерного, грамотного, и, как в книге говорилось, «психологически обоснованного поиска», решила название таблице дать.

И ярким фломастером вывела сверху красиво: «План поиска моего мужчины». И улыбнулась.

И совсем забыла, что обещала Полине Сергеевне в больницу приехать...

Они встретились в торговом центре втроем – Маша, Лариса и Настя, чтобы купить подарок ко дню рождения Люси, а больше – чтобы вместе побродить по магазину, поболтать о своем, о женском. Еще с институтских времен любила Настя такие совместные походы с подругами, в которых что-то они вместе выбирали, покупали что-то неожиданное, интересное, чего каждая поодиночке могла и не заметить, потом – долго сидели в кафе, всегда находя темы для разговора.

С подарком они разобрались быстро – вездесущая Лариса сразу авторитетно заявила:

– Люся хочет такую же сумку, как у меня, только красную, под ее красные сапожки...

А раз задача была понятна, то решили они ее быстро. И довольные покупкой спустились в кафе.

Настя, которую не оставляло ощущение какого-то светлого праздника, радостного ожидания, смотрела на подруг, на людей, проходящих за окнами кафе, даже в меню – с улыбкой.

– Ты чего так загадочно улыбаешься, прям как Мона Лиза? – спросила Лариса, и Маша тоже посмотрела на Настю с интересом.

– Вы знаете, девочки, я такую книгу вчера купила! Называется «Как найти мужчину своей мечты». Я ее вчера читала весь день, и вы знаете, я поняла, что нельзя просто ждать, нужно искать своего мужчину. Главное, это знать, кого ты ищешь, и искать. Каждый день, обязательно, как на работу ходить – искать. Не ждать, что он сам домой явится. Искать, искать, искать.

– Господи, да что ж ты теперь будешь ходить по улицам и мужиков снимать? – не удержалась от резких слов Лариса, не понравилось ей что-то в Настиней интонации, в самой этой идее – искать, искать...

– Ну почему же снимать, Лариса? Я просто буду искать, я буду проявлять активность. Ты знаешь, вот в книге этой написано, что это раньше женщина была бесправной, а сейчас она сама должна творить свою жизнь, своими руками. И не ждать, пока что-то произойдет, иначе так можно всю свою жизнь прождать.

– А как же твое: «Мне Бог поможет»? – спросила Маша. Спросила тихим голосом, как-то очень проникновенно.

Настя не ответила – что-то верное было в Машинном вопросе, ведь действительно, сама она так говорила и верила в это. Но в книге все так ясно было расписано – зачем и почему женщина не должна ждать у моря погоды, а брать – и ковать счастье своими руками.

– Бог помогает тому, кто сам себе помогает, – упрямо ответила Настя. – Я так могу полжизни просидеть, ожидая его помощи. А могу сама своей активностью и настойчивостью добиться результата...

– Вот как у вас там, в книге, – иронично сказала Лариска. – Добиться результата... Ты, идеалистка наша, раньше все про мечты свои говорила. Типа – мечты – сбываются... Только – верь... И что же – все это неправда?

– Да правда все это, Лариса! – горячо сказала Настя. – Все правда – и про мечты, и про веру...

Она помолчала и добавила:

– Я просто ускорить хочу процесс этот. Помочь. Ведь при грамотном отношении к поиску мужчины – результаты могут быть гораздо эффективнее. Главное – знать, кого я хочу найти, и искать его. И я его обязательно найду!

– А ты знаешь, кого ищешь-то? – опять иронично спросила Лариска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.